

Виктор Алеветдинов

ПРИГОВОР ДО ВЫСТРЕЛА

Книга 4

Войны мёртвых частот

Военная фантастика

18+

Виктор Алеветдинов

**Приговор до выстрела. Книга
4. Войны мёртвых частот**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Приговор до выстрела. Книга 4. Войны мёртвых частот /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Турель открывает огонь по ребёнку. Разрешение выдано ещё до того, как солдаты вошли в дом. 2062 год. В Сармской долине объявлено перемирие, но людей задерживают за преступления, которые они ещё не совершили. Солдат Денис Круглов получает приказ найти двух женщин, обвинённых в утечке военных данных. Одна из них — Вера, чьё доверие он потерял после прошлой операции. Поиск ведёт к исчезнувшим людям и лагерю беженцев, уже назначенному целью. Денису помогают следы незавершённых движений погибших, но каждое подключение отнимает его собственные воспоминания. Теперь ему предстоит выяснить, кто превратил прогноз в разрешение на убийство — и какую роль в этом сыграла его подпись. Правда может спасти лагерь и отправить самого Дениса под суд. Успеет ли он остановить следующий выстрел, если доказательства обвиняют и его самого?

Содержание

Часть 1. Люди из списка	5
Глава 1. Дом, которого нет в списке	5
Глава 2. Задержание до поступка	10
Глава 3. Маршрут сгоревшей колонны	14
Глава 4. Лейла не ждёт спасения	18
Глава 5. Приказ на двух языках	22
Глава 6. Камера для свидетеля	26
Глава 7. Чёрная правка	30
Часть 2. Белая запись	35
Глава 8. Мост с одной полосой	35
Глава 9. Вера без допуска	40
Глава 10. Корневой журнал	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Алеветдинов

Приговор до выстрела. Книга

4. Войны мёртвых частот

Часть 1. Люди из списка

Глава 1. Дом, которого нет в списке

Период: 2062 год. День 1, раннее утро.

Место: южная окраина Сармата, сектор миротворческого контроля.

Замок закусил на втором обороте. Прижал дверь коленом и потянул ключ к себе, пока не сдвинулась старая тяга. Павел отсчитывал время до входа, а из дома доносился скрежет металла. Через пролом в заборе я видел очередь к водовозу. Люди с пустыми вёдрами ждали проверки документов. До них было меньше ста метров.

На карте дом обозначался нежилым узлом водоснабжения; в списке жилых адресов его не было. «Свод» отметил подготовку диверсии после ночных включений двигателя и разгрузки ящиков. Мы должны были проверить дом и доставить подозреваемого живым. Фамилию нам не дали.

Павел дал мне ещё полминуты, когда я объяснил, почему нельзя выбить дверь: сорванное полотно перекроет проход. Водовоз скоро должен был уйти к северным лагерям. Если здесь собирали заряд, проверку требовалось закончить до его выхода.

Павел стоял за кирпичным столбом. Кирилл Седов наблюдал крышу через камеру разведчика. Наземнику с турелью отвели сектор до задней двери. Такие замки я ремонтировал в заводских насосных. Приподнял полотно, разгружая нижнюю тягу.

Внутри щёлкнуло. Сообщил Павлу, что вход открыт, и первым переступил порог. Раньше перед входом Вера проверяла изменения маски цели. Теперь отметка приходила без её голоса. После Кадира она прекратила личные разговоры; за восемь месяцев отвечала только по службе. Я всё ещё оставлял перед движением паузу для её замечания.

В прихожей пахло мокрой одеждой и разогретой изоляцией. Женщина на полу подхватила ротор насоса, чтобы он не покатился к моим ногам. Велел оставить железо и показать руки. Из кухни вышел мужчина с разводным ключом. Заставил его положить инструмент и отступить к окну.

Женщина сказала, что в задней комнате спит сын. Попросил позвать его: пусть выйдет с пустыми руками. Павел поставил мужчину лицом к стене. Наземник зацепился за порог, Кирилл поправил маршрут. Жёлтая рамка охватила разобранный насос.

В кухонной нише были крепления для оружия и банка с винтами. Мужчина объяснил, что здесь находился пост охраны водовода. Семья поселилась зимой, после разрушения их дома. По его подсказке достал коробку с документами над плитой.

Совет разрешил Ильясу Рамину с женой Даной и сыном Амином жить в насосной до восстановления дома. В задании значилось: «Постоянное население отсутствует». Павел велел проверить разрешение на пункте, а пока снять нишу.

Камера прочитала крепления. Появилось: «Вероятное перемещение вооружения перед проверкой». Отсутствие оружия повысило оценку угрозы. Подтверждением служили прежний снимок ящиков и ночные включения двигателя.

Ильяс объяснил, что насос запускали ночью, пока была вода. Утром обмотка сгорела. Он показал на почерневшую проволоку, но Павел вернул его лицом к стене. У Даны дрожали поднятые пальцы. В задней комнате стукнуло.

Наземник подъехал к лёгкой перегородке. В щели дверного проёма двигался длинный металлический предмет. Рамка на экране покраснела, Кирилл сообщил о контакте справа. Дана шагнула к проходу, выкрикнув, что там сын. Вернул её за кирпичный выступ. Турель повернулась к перегородке, пока Павел проверял руки Ильяса.

— Стой, там ребёнок!

Первая очередь пробила гипс и ударила в дверной косяк. Мне в щёку прилетела крошка. Дана осела у стены; из комнаты донёсся удар, затем мальчик закричал. Рамка сопровождала металл. В журнале горело разрешение на огонь, выданное перед входом.

До кнопки на боковине я не успевал дотянуться. Навалился на поворотный блок, отжимая ствол вверх. Привод тянул обратно, основание проехало по плитке и прижало мой ботинок к кухонной тумбе. Вторая очередь ушла в потолок. Штукатурка посыпалась на затылок, за воротник.

Вставил монтажный ключ между кожухом и рамой. Передача дёрнулась, рукоятка ударила по запястью. Ствол замер под потолком, Кирилл снял питание. Велел включить тормоз. Павел уложил Ильяса на пол, а я перешагнул платформу.

Мальчик лежал за перевёрнутым табуретом. Из его ладони торчало крыло металлического самолёта. Длинный стержень, принятый камерой за ствол, оказался ручкой: за неё игрушку катили по полу на маленьких колёсах. Амин прижимал самолёт к груди. На запястье темнела полоска крови.

Опустил оружие и присел. Когда мальчик оттолкнул мою руку и закричал громче, позвал его мать и отступил. Кожу рассёк осколок косяка, пуля прошла выше. Дана разжала его пальцы. Самолёт упал на бок; одно колесо продолжало вращаться.

Дана прижала салфетку из нашей аптечки к порезу. Объяснил, сколько времени её не отпускать. Амин следил за моими руками и хватался за материнский рукав, когда я тянулся к карману. Попросил вызвать медицинскую машину.

Кирилла отправил снять игрушку. Вытащил ключ из привода: рабочую грань смяло. Поворотный блок требовал разборки, запасного у нас не было. Отметил повреждение, чтобы на следующей позиции не включили автоматическое сопровождение.

Павел поднял Ильяса и разрешил подойти к дверному проёму. Тот присел, заговорил с сыном. Амин не отпускал мать. Отец протянул ладонь к его лицу, замер и убрал руку. На скуле Ильяса темнела ссадина: он ударился о пол.

В записи контакт мелькнул в щели на полсекунды. Камера распознала оружие по длине и блеску. Разрешение на сектор подписал Павел. Кирилл объяснил, что голосовой запрет не действовал: требовалась остановка с терминала либо Красный отказ. В это время Кирилл наблюдал за крышей.

Снимок игрушки Кирилл приложил без возражений. Потом увеличил дверную щель в записи огня и задержал палец над рамкой. Павел напомнил, что надо наблюдать за улицей. Разведчик расходовал заряд; пришлось посадить его и наблюдать вручную.

После выстрелов очередь у цистерны распалась. Люди смотрели на дом из-за забора. Водитель ждал разрешения продолжать выдачу. Пустые вёдра остались возле машины.

Ильяс поднялся и показал на люк возле плиты. В подвале шла вода: верхний вентиль сняли с насосом, а нижний он не успел закрыть. Когда стих плач, я услышал капли. Павел остался с семьёй, отправив меня проверить течь.

По пяти кирпичным ступеням спустился к трубе на высоте груди. За ней находился вентиль. Вода из соединения текла к разбитому кабельному коробу; из лужи торчал обрывок изоляции.

На последней ступени пальцы левой руки сжались без моего усилия. Ладонь повернулась к трубе; в запястье возникло сопротивление неподвижного колеса. Перед вентиляем проступила чужая кисть. Большой палец прижимался к ободу, остальные тянули его вниз.

Движение оборвалось до поворота. Моя рука повторила его, потянув за собой плечо. Я качнулся вперёд и ударился грудью о трубу. Фонарь скользнул по воде, осветив оголённый конец кабеля у подошвы. Отдёрнул ногу на ступень и взялся за кладку. Во рту появился кислый вкус, свет расплылся.

На оклик Павла ответил, что линию надо обесточить. Ильяс подсказал, где рубильник. Наверху щёлкнуло. Подождал, пока перестанет тянуть руку, и проверил кабель прибором.

Человек мог погибнуть раньше, чем закрыл вентиль. Отголосок повторял сохранившийся жест. Ладонь снова попыталась сомкнуться на ободу. Прижал её к ступени: идти за таким движением без проверки после Кадира не хотел.

Перешёл к вентилю по выступу вдоль стены. Колесо подалось после двух рывков, течь замедлилась. За корпусом находился жестяной кожух с новым винтом. На кирпиче сохранилась царапина: кожух недавно сдвигали. Когда свет фонаря прошёл по нижнему краю, внутри блеснул обрывок прорезиненной ткани.

Дождлся Павла с камерой и перекрыл воду ещё на четверть оборота. Колесо прошло участок, на котором оборвалось чужое движение. След исчез, но отвёртку пришлось взять правой рукой: левая не слушалась.

Снял кожух и достал свёрток. В нём были три регистрационных жетона задержанных и листок. Такие пластины с номером и именем выдавали на перевалочных пунктах. Один жетон был погнут, на другом сохранился обрывок шнура. Положил находку на трубу.

Павел снял полость и попросил разворачивать ткань медленно. На краю листка стояло имя Лейлы Азар. Рядом был напечатан служебный код «Контур-П» с номером операции. Ниже шли номера жетонов и две даты. Последняя — за неделю до нашего прихода.

Убрал руку от бумаги. Имя Лейлы было знакомо по Кадиру: она собирала сведения о людях, оставшихся за строками отчёта, который я подписал. Теперь её имя лежало на трубе в доме, обозначенном пустым. Я пытался разобрать даты, но цифры двоились. Пришлось присесть на ступень и упереться затылком в стену.

На вопрос Павла о следе кивнул. Для протокола годились полость и свёрток; чужую руку камера не записала. Попросил минуту: я пока не мог встать без опоры.

Когда поднялись, Ильяс наклонился к прозрачному пакету с жетонами.

— Салеха нашли?

Салех Тар работал с Ильясом на водоводе. В феврале его увезли; семье сообщили номер жетона. Ильяс пытался прочитать имя сквозь пакет, но Павел отвёл его за свою спину. На погнутой пластине стояло это имя.

Ильяс попросил жену увести сына. Павел велел остаться. Мужчина признал, что Лейла приходила дважды, расспрашивала о Салехе. Тайник не показывала. Кожух открывали наши люди, когда закрывали пост.

Номеров жетонов в реестре задержаний не было. Салех нашёлся только в карточке работников водовода. Кирилл предположил, что его отпустили до переноса сведений в общую базу.

— Тогда где он? — спросила Дана.

Павел отправил номера на повторную проверку и запросил имя Лейлы. Отметка о розыске была доступна. Он велел оформить взрослых как пособников, ребёнка доставить отдельно, с матерью.

Я сказал, что для задержания Амина нет основания. Порез требовал осмотра, однако это не превращало медицинскую помощь в доставку на проверку. Павел выслушал и повернул ко мне терминал: если я не согласен с пакетом, следует оформить отказ. Машина должна уйти до смены коридора.

В форме семье присвоили одну категорию. Открыл детскую строку, указал возраст — восемь лет — и приложил снимки. Красный отказ потребовал мою фамилию и запись с камеры. Вписал ошибку распознавания игрушки как оружия. Этот факт я мог подтвердить.

Строка Амина вышла из пакета. Дана стала сопровождающей; её проверку отложили до осмотра сына. Павел принял отметку. Ильяс оставался в списке.

— Этот отказ подтверждаю, — сказал Павел. — Следующий будешь объяснять Кастину письменно.

— У нас против него только бумага в стене. За что мы его забираем?

Павел напомнил о признанном контакте с Лейлой. На пункте можно выяснить, кто ещё приходил, откуда взялись жетоны и куда делся напарник. Здесь он не собирался оставлять подозреваемого до следующего ночного включения двигателя.

— Он насос разбирал, — сказал я.

Обмотка почернела, пахло горелым лаком. Если привезти новый статор, Ильяс мог бы показать, как работает насос. Павел посмотрел на часы: дорога открывалась, деталь ещё надо было найти. Турель была сломана, за забором собиралась очередь.

На пункте были люди для опроса и помещение. Мы успевали отвезти задержанного с находкой. Если проверять всё здесь, водовоз уйдёт без прикрытия. Павел говорил о необходимых делах, и я спрятал своё согласие среди них.

Внизу формы требовалось подтвердить доставку подозреваемого живым. За этим я утром и открывал дверь. На пункте найду проверяющего, покажу снимок обмотки и разрешение совета. Там разберутся; главное — довести Ильяса. Я выбрал его строку и расписался.

Стяжки затянули перед камерой. Мужчина посмотрел на свои руки и попросил не увозить ключ, оставленный у окна: без него жена не сможет собрать насос. Павел разрешил Данае забрать инструмент. Она завернула его в тряпку, положила рядом с ротором и заставила меня назвать пункт, куда доставят мужа.

Адрес записала на обороте разрешения. Обещал указать, что оружия не обнаружено. Она дождалась записи в журнале и спросила, сохранится ли она при передаче другому подразделению. Подтвердил, что приложение входит в пакет доставки. Дана прочла строку и убрала бумагу в карман сына.

Кирилл выкатил платформу и закрепил стопор красной лентой. Турель смотрела вверх. Амин обошёл её по широкому кругу, неся самолёт за крыло. Дана вела его к медицинской машине. Ильяс дождался, пока сын сядет, и Павел повёл его к транспорту.

Закрепил находку в ящике. Операция значилась успешной: подозреваемый взят живым, потерь в группе нет. Повреждение турели ушло в ремонтную ведомость, ранение Амина — в приложение. Общую оценку можно было принять, не открывая приложения.

На закрытом канале пришёл новый приказ. Павел перечитал его, прежде чем передать мне. Требовалось установить местонахождение Лейлы Азар. Старший лейтенант Вера Мельник исчезла вместе с ней; при ней находился секретный носитель исходных данных. Мои прежние контакты полагалось учитывать как вероятный маршрут связи. О любом обращении Веры я должен был сообщить до ответа.

Подтвердил получение и открыл последнее сообщение Веры. После Кадира она предложила назвать то, что осталось за пределами отчёта. Я попросил подождать. За восемь месяцев ни разу не вернулся к разговору.

Теперь над строкой появился знак записи действий. Закрыв переписку. Павел посмотрел на меня, но ничего не спросил. Мы оба знали, что приказ получен. Убрал терминал на колесо и сел напротив Ильяса.

Когда машина тронулась, Ильяс прочёл фамилию на форме. Лента награды Кадира выглядывала над ремнём; я носил её по уставу. Павел говорил, что первым меня поздравили у выхода, но лица я не помнил. На фотографии из архива чужая ладонь лежала у меня на плече.

Ильяс перевёл взгляд с ленты на моё лицо.

— Денис Круглов. Когда меня приговорили? Сегодня, пока вы были в подвале, или до того, как вы открыли дверь?

Машину качнуло на выбоине. Я придержал его за плечо, чтобы он не ударился связанными руками о ящик. На экране оставалось моё подтверждение доставки с отметкой времени. Открыл поле дополнений и начал записывать, что оружие в доме не обнаружено. Ильяс смотрел, как движется мой палец, а транспорт вёз его к проверочному пункту.

Глава 2. Задержание до поступка

Период: 2062 год. День 1, полдень.

Место: проверочный пункт на дороге к лагерям перемещённых лиц, Сармская долина.

К полудню очередь перед пунктом вытянулась за поворот. Наша машина прошла по встречной полосе. Ильяс смотрел на грузовики через решётку; стяжка тёрлась о ссадину у него на руке. Отодвинул ящик от его коленей.

Пункт занимал дорожную мастерскую. Под навесом осматривали машины, за ним была площадка задержанных. Дорога между бетонными блоками пересекала канал по короткому мосту и поднималась к северным лагерям. Объехать можно было только через перевал, куда гражданских без сопровождения не пускали.

У ворот стояла медицинская машина. Дана придерживала бинт на запястье Амина, пока фельдшер заполнял карту. Ильяс приподнялся. Попросил сопровождающего дать ему посмотреть. Мальчик головы не повернул.

Дежурному показал разрешение совета и запись об отсутствии оружия. Ильяса направили за сетку: проверяющий ещё не приехал. Квитанция подтверждала, что человек прибыл живым. Срок проверки не указывался.

Ильяс спросил, когда вернётся к семье. Я сказал, что материалы должны посмотреть сегодня. Дежурный молча протянул планшет. Мужчина следил за мной, пока я расписывался второй раз. Обещанного разговора с проверяющим не получилось.

Пакет с жетонами приняли под номером. На моей камере оставались место находки и имя Лейлы. Хотел спросить о Салехе, но дежурный вызвал следующую: женщина объясняла, почему фамилия дочери в бумагах отличается от электронной.

Наземник с повреждённой турелью оставили у ремонтного навеса. Красную ленту на стопоре я не убрал. Механик займётся приводом после тягача. Для выхода на север нам выделяли машину мобильной огневой группы — МОГ. Пока она прикрывала пункт.

Оператор Стрелин показал запись проверки: по вертикали установка запаздывала. Вчера он просил сменить блок. Ведомость разрешала работу при ограниченной скорости сопровождения. Мы могли взять эту машину или ждать другую неизвестно сколько.

Павел велел осмотреть крепление. Запястье после утреннего удара припухло, работал правой рукой. Снаружи крепёж не сместился, но внутри при повороте скрежетало. Для разборки требовалось выключить модуль, оставив пункт без одной установки.

Сотрудник регистрации попросил помочь с переводом: мужчина в очереди направлялся в лагерь, не указанный в разрешении. Я спустился. Павел подозвал к столу человека, который переводил возле цистерны.

Он представился Рашидом Темом, помогал семьям, сопровождавшим груз воды. За утро переходил из одной очереди в другую, разбираясь с разрешениями. Бумаги доставал по порядку. Перед каждым движением смотрел на ближайшего солдата.

До конца проверки «Свод» выделил Рашида как будущего связного. Он часто менял маршруты, пересекал границы лагерей, общался с людьми из разных зон. За каждым признаком стояло время прохода через пункт. Рекомендовалось изолировать его до вечернего окна.

Вместо события, на основании которого оформляли задержание, я получил прогноз. Оружия не нашли. В сумке была тетрадь выдачи воды. Сотрудник сфотографировал её и передал сумку в ячейку хранения.

В строке предполагаемого действия стояла завтрашняя дата. На вопрос Рашида сотрудник ответил, что предупреждают нарушение режима. Павел велел посадить переводчика у бетонного блока, отдельно от очереди.

— Что я должен сделать завтра, чтобы вы отпустили меня сегодня? — спросил Рашид.

Павел объяснил, что решение пересмотрят после проверки маршрутов. Рашид вытянул руки для стяжки. На пальце были чернила: он записывал за женщиной номер разрешения, когда камера отметила очередной контакт.

Перед навесом наполняли цистерну. Рядом ждали грузовики с лекарствами и автобус. Между цистерной и мостом мог пройти один грузовик. Павел отвёл людей к стене мастерской. Разрешение на северный коридор ещё не пришло, но машины готовили к выходу.

Рашид сидел боком к цистерне. Я поднёс ему стакан воды. Он взял обеими связанными руками и успел сделать глоток, потом повернул голову к блестящему боку бака. Вода пролилась на брюки. Мужчина поднялся так резко, что солдат возле блока вскинул оружие.

— Внизу, под кабиной! Две!

Он показал сцепленными руками на отражение. В полированной полосе бака промелькнули чёрные точки. Я посмотрел вдоль цистерны и увидел одну у края канала, ниже дорожного полотна. Вторая скрылась за кабиной. Постовой датчик подал сигнал, когда первая Гончая уже миновала бетонный блок.

Павел развернул солдата к дороге и оттащил Рашида под навес. Над очередью появились Сороки, малые разведчики. Два низких контакта обозначились на экране с задержкой: цистерна закрывала их от оптики.

Побежал к МОГ. Павел отправил автобус за стену, грузовикам велел остаться: у моста они зажмут проход для людей. Солдаты повели очередь во двор. Водитель закрыл подачу воды. Павел заставил его бросить шланг и уходить.

Первая Гончая поднялась над кабиной. Стрелин повернул установку и открыл огонь, коротко, чтобы не зацепить цистерну. Аппарат просел, ударился о край бетонного блока и взорвался между ним и грузовиком. Я пригнулся к борту. По броне прошли осколки; над ухом хлестнул оборванный шланг. Вода потекла поперёк дороги.

Вторая Гончая обошла грузовик с лекарствами. Кирилл запустил Ловца, дешёвый перехватчик, с крыши поста. Тот вышел ей навстречу. На экране траектории сблизились, но ударный аппарат отвернул к мосту. Стрелин попытался поднять ствол выше кабины грузовика. Установка дёрнулась и остановилась.

Скрежет перешёл в стук. Ствол оставался под крышей грузовика. Оператор не мог достать цель ручным наведением. Попросил снять усилие с привода и полез к кожуху.

Павел увидел остановку и приказал водителю МОГ сместиться в свободный промежуток. Ствол оказался направлен к мосту, но Гончая ушла за перила. На этот сектор перебросили двух стрелков с навеса. Остальных Павел оставил у прохода: очередь ещё не вышла из-под колёс грузовиков.

Боль в ушибленном запястье отдала в локоть. Под кожухом перекосило направляющую; её кромка цепляла узел. Стрелин отключил движение. Я втиснулся между бортом и стойкой, освобождая деталь.

Солдат вёл двух детей. Младший споткнулся о шланг; солдат поднял его, не выпуская ладони девочки. С крыши мастерской посыпались обломки. Прижал голову к стойке и вытянул скобу. Палец рассекло.

Павел посадил людей за двигатель МОГ, где их прикрывал корпус. Грузовик с медикаментами он вывел вперёд на несколько метров, открывая стрелкам канал. Водитель подчинился, хотя в его двери была пробоина. Это дало мне время: Гончую оттеснили от моста, она снова скрылась у канала.

Освободил ход, оставив защиту привода открытой. Предупредил Стрелина, что быстрые переводы исключены. Он проверил движение короткими подачами. Ствол прошёл над кабиной.

Кирилл направил второго Ловца к каналу. В первом оставалось мало заряда после неудачного сближения. Я следил за ним на экране, когда у бетонного блока возникло чужое движение. Ладонь с двумя вытянутыми пальцами опустилась к дороге. Отголосок повторился, показывая поворот к старой водопропускной трубе под мостом.

Моя рука дёрнулась вслед. На миг захотелось самому шагнуть туда и пропустить машину над головой. Подошва скользнула по мокрому борту, я ударился коленом о стойку. Первый перехватчик отвернул к устью трубы. Он прошёл над пустым местом, где секунду назад было движение руки, и потерял Гончую за перилами.

Кирилл вернул аппарат в сектор, но батарея закончилась до нового захода. Ловец опустился в канал. На какой отметке сбилось наведение, я не знал. В висках стучало; крепление проверил правой рукой.

Гончая выскочила из-за опоры моста, направляясь к кабине водовоза. Павел приказал расчёту стрелять только после её выхода над дорожным полотном. Стрелин ждал. Я видел цель в щели между грузовиком и стойкой; на несколько секунд казалось, что оператор пропустил её. Потом аппарат поднялся над бортом цистерны, и турель провела его до бетонной насыпи.

Гончая перевернулась и взорвалась за крайним блоком. Второй Ловец поднялся к Сороке и сбил её. Другой разведчик ушёл за подъём. Кирилл не стал преследовать: у пункта больше не было заряженного перехватчика.

Павел велел осмотреть машины снизу и дальнюю сторону моста. Стрелин сопровождал канал, я затащил крепление. Расчёт подал вторую коробку с лентой. Целой запасной больше не было.

Обмотал палец салфеткой. Стрелина с рассечённой бровью сменил Кирилл. Двое мужчин отводили автобус во двор, откуда людей можно было вывести через заднюю калитку.

Стяжки на Рашиде не сняли. Он поднял стакан и поставил на стол. Я разрезал салфетку для Стрелина. Переводчик посмотрел на мои окровавленные пальцы, затем на свои запястья.

Сказал Павлу, что предупреждение Рашида сохранило нам несколько секунд. Тот ответил, что внесёт это в журнал. Задержание от этого не отменялось: человек мог помочь расчёту и одновременно оставаться связным. Я посмотрел на цистерну с перебитым шлангом. Без крика от бетонного блока первую отметку мы бы получили после входа Гончей на площадку. В карточке переводчика его предупреждение стало дополнительным наблюдением, отдельным от основания задержания.

Северный коридор открыли на шесть часов. Бак водовоза уцелел. На грузовике с лекарствами сменили колесо. Автобус остался до проверки тяги. Павел пропускал машины по одной, проверяя промежуток на подъёме.

«Свод» отметил свободный путь до следующего поста. Водовоз прошёл мост, за ним ушли лекарства. Я сам использовал карту, когда искал место для машин. Она сработала; возражать Павлу после этого стало труднее.

К документам Рашида вернулись за тем же столом. Сотрудник регистрации поднял его маршруты за последние четыре дня. Первый обход пришёлся на закрытие колодца возле южного лагеря. Второй — на перекрытие старого водовода. На третий день Рашид пошёл через другой пункт, поскольку прежний не принимал разрешений местного совета. Каждое изменение было записано в его тетради раньше, чем он узнал о задержании.

Объяснение подтвердилось сообщениями самих постов. Две семьи из очереди показали такие же маршруты в своих разрешениях. Они просили переводчика сопровождать их: одна женщина не могла прочитать новую форму, другой семье требовалось получить воду по документам умершего владельца. Рашид переводил их слова сотруднику, который продолжал заполнять его собственную карточку.

Я попросил убрать признак скрытого изменения пути. Сотрудник попробовал выбрать причину обхода, но форма предлагала нарушение коридора, потерю связи и неопознанный

контакт. Закрытого колодца среди вариантов не было. Он записал объяснение в примечание. Целевая маска сохранилась: примечание не участвовало в расчёте.

Развернул журнал обработки, чтобы проверить, прошло ли изменение. Под строкой о связях между лагерями стоял признак «переходный посредник». В служебном пояснении открылось название словаря — «Меридиан». Ниже было указано соответствие нашей категории контактного узла. Запись обрабатывал «Свод», а исходное название признака пришло из системы другого блока.

Сохранил номер записи и версию словаря. Кто перенёс признак, строка не сообщала, но журнал работал сегодня на нашем пункте. Павел велел приложить снимок к рапорту. Техническая служба разберётся; передачу человека задерживать незачем.

— Мы проверили его маршрут, — сказал я. — Он ходил за водой.

Павел указал на мост. Его люди ещё осматривали обломки, а водитель автобуса стоял рядом с открытым капотом. Командир объяснил, что у каждого на пункте есть своя часть решения. Если он начнёт отпускать людей по собственному впечатлению, соседний пост перестанет доверять его отметкам. Затем там закроют дорогу целиком, чтобы не отвечать за чужую проверку.

— Порядок держится на том, что мы подчиняемся исправлению, — сказал он. — Я отдал своё решение на разбор. А ты предлагаешь заменить проверку своим словом.

Я хотел напомнить о мальчике с игрушкой. Павел сам достал запись утреннего отказа: моя отметка принята, его разрешение на огонь направлено на разбор. Он не убрал подпись и не попросил смягчить формулировку. Теперь он требовал от меня той же процедуры для Рашида. Основание доставки сохранялось, пока его не пересмотрят уполномоченные люди.

Ответа я не нашёл. Павел только что вывел колонну. Я починил установку, он дал мне время. Теперь этот же человек показывал на пустое поле, которое мне следовало заполнить.

Рашида направляли дальше, в центр проверки. Павел решил доставить его нашей группой: транспорт шёл по открытому коридору. Я приложил объяснения о колодцах, отметку о предупреждении налёта и расписался в строке передачи. Моя подпись не снимала маску будущего связного. Она подтверждала, что я принял его и отвечаю за доставку.

Тетрадь разрешили забрать. Рашид прижал её к груди связанными руками и спросил, вернут ли его до следующей выдачи воды. Я сообщил, что едем в центр проверки. Больше ничего не обещал.

На МОГ осталось девяносто два патрона. Машина снабжения стояла за закрытым южным участком. Кирилл поставил батареи на зарядку, но выход назначили раньше, чем успела бы зарядиться первая. Павел принял машину с ограничением привода. Я оставил у кожуха записку для расчёта.

Когда Рашид сел напротив меня, на терминал пришло уточнение поиска. В карточке Лейлы Азар прежняя категория была заменена на «источник будущего массового неповиновения». Я открыл основание. Событие ожидалось через несколько дней, адресом значились лагеря на северной дороге. Рашид положил тетрадь на колени, а я подтвердил получение приказа. За воротами ещё стояли люди с пустыми вёдрами; именно туда нам предлагалось двигаться за новой целью.

Глава 3. Маршрут сгоревшей колонны

Период: 2062 год. День 1, вечер.

Место: пыльная дорога через перевал Керд, Сармская долина.

На третьем повороте головной тягач пересёк свежую колею и направился к краю дороги. Сначала я решил, что он обходит камень. Впереди лежал обломок скалы. Но платформа обошла его и продолжила поворот. За ней так же сместилась вторая машина автоподвоза. До разрушенного ограждения оставалось несколько метров.

Мы шли за транспортом, на котором могли вывезти Веру и Лейлу. Северный пост передал номер, но пассажиров камера не сняла. Центр проверки находился дальше на той же дороге; доставка Рашида пока не мешала поиску. Коридор закрывали до темноты.

Два беспилотных тягача с водой и медикаментами присоединили у развилки. Наша машина с задержанным шла посередине, МОГ замыкала конвой. На установке оставалось девять носто два патрона; повреждённый привод работал с ограничением скорости.

Павел передал команду остановки. На экране она получила подтверждение, однако головной тягач продолжал двигаться. Карта показывала его в безопасной колее. Второй повторял поворот, хотя до первого оставалось достаточно места. Я распахнул дверь нашей машины и соскочил на дорогу. Пыль от колёс ударила в лицо.

Слева поднималась скала, справа склон уходил в русло. Внизу торчали рамы колонны, сгоревшей два года назад. Колёса тягача шли к запрещённому съезду, за которым край дороги обвалился.

Добравшись до наружного аварийного упора и остановил платформу. Она наклонилась, просев правым колесом в осыпь. Вторая машина затормозила у меня за спиной. Павел удержал человека из нашей машины от попытки объехать их справа. Там ещё было место для колеса, но за ним начинался склон.

На местной карте съезд и запрещённая зона совпадали с реальными. Журнал тягача предлагал объезд с возвращением на дорогу. Такой же манёвр выбрала вторая платформа. Ниже обрывая возвращаться было некуда.

При команде назад привод потянул вперёд. Снова прижал аварийный упор. В кабине стояло изображение целой дороги за разрушенным ограждением. На карте она была закрыта, в подсказке отмечалась доступной. Смотрел на экран, на рамы внизу, и плечи поворачивались вправо раньше, чем решал, куда идти.

Павел велел связать платформы до снятия тормозов. Из ремонтного ящика достали кабель для буксировки. Водитель МОГ помог протащить его между машинами; я проверял петли и места крепления. Ушибленное запястье не позволяло затянуть зажим, пришлось прижать рукоять предплечьем. На повязке рассечённого пальца проступила кровь.

Второй тягач поставили поперёк колеи, натянув кабель между рамами. Головную машину можно было подтянуть коротким ходом. Павел отвёл наш транспорт к скале, оставил проход и поручил Стрелину наблюдать склон.

Отключил сетевую навигацию. Новые команды перестали приходить, но местная подсказка предлагала съезд и при ручном управлении. Экран отвернули, чтобы смотреть только на колёса.

Водитель сел в головную кабину, я остался снаружи. По моей руке он сдавал назад короткими подачами. Колесо вышло из осыпи, кабель провис. Я показал остановку, но мужчина продолжил поворот к склону. На оклик он ответил, что возвращает машину на дорогу. Его взгляд был направлен ниже ограждения.

Павел ударил по кабине. Водитель остановился, выглянул и спросил, почему край так близко. Перевёл его взгляд на собственные ноги. Следующее движение он повторил по меткам, которые я царапал каблуком в пыли.

Кирилл поднял Сороку с остатком заряда, чтобы осмотреть дорогу впереди. Запасных готовых батарей у нас не было. Изображение показало пустой изгиб, затем плоскую площадку возле старой опоры связи. Там стоял транспорт, номер которого мы искали. Его левая дверь была открыта, переднее колесо провалилось в промоину. Между нами и машиной оставалось около километра.

До закрытия коридора оставалось меньше часа. Ручными подачами не успевали пройти этот километр. Брошенные тягачи перекрыли бы дорогу следующим машинам.

На общей линии затрещало. Кирилл поднял голову: с восточного склона к Сороке шли три малых аппарата. По форме он определил Ловцов, перехватчиков. Опытно-испытательных кодов они не передали. Разведчик повернул обратно, и один из аппаратов пересёк его траекторию.

Сорока пропала с экрана. Обломки ударили по камню над дорогой. Два оставшихся Ловца прошли над нами, один снизился к антенне головного тягача. Стрелин дал короткую очередь. Аппарат отвернул; пули ударили в склон, где секунду назад была его тень.

Павел отправил водителя к рычагам, а меня укрыл за колесом. Перехватчики возвращались. Их использовали для удара по конвою: тот, что шёл первым, врезался в крепление зеркала нашей машины. Взрыв выбил боковое стекло. Внутри был Рашид. Я увидел, как охранник накрыл его собой, а потом из двери выпала тетрадь.

Второго Ловца Стрелин проводил через свободный сектор над склоном. Осколки посыпались за ограждением. Оператор прекратил огонь, не пытаясь добить летевший вниз обломок. Запасной ленты у него не было. Кирилл сообщал о чистом воздухе только в пределах того, что видел сам: разведчика мы потеряли.

Рашид и охранник выбрались, стряхивая стекло. Связанные руки мешали подобрать тетрадь. Я подал её Рашиду. Их пересадили на защищённую сторону; водитель мог продолжать путь.

У головного тягача пахло подпаленной резиной. Машину удерживали тормоз и кабель. Стоило глянуть вниз — хотелось поставить ногу за ограждение. Мы повторяли поворот погибшей колонны: обе платформы выбирали съезд независимо друг от друга.

Павел спросил, смогу ли убрать ложную подсказку. Он показал запрос локальной калибровки через мой старый нейроинтерфейс. Система предлагала сверить движение с живым Якорем. Срок действия — до выхода из опасного участка. Я мог отказаться и продолжать вести каждую машину жестами. Снизу снова осыпался камень; головное колесо сдвинулось на ширину ладони.

Проверил отключение сетевых маршрутов. Калибровка оставалась местной, тягачи — связанными кабелем, управление — у людей. Предстояло отделить выбранное движение от поворота, который я чувствовал за закрытыми глазами.

Открыл в блокноте страницу, где отмечал проверки памяти. Вписал время и привычный путь от остановки к довоенной квартире. Два поворота во дворе, три ступени у подъезда, дверь справа на площадке. Я видел её коричневую краску и царапину у замка. Этот путь можно было пройти мысленно без указателей. Он и понадобился системе для сравнения.

Павел подтвердил подключение. Контакт под шлемом стал тёплым. На экране появились две линии: к обрыву и вдоль колеи. Смотрел на метку у ботинка, на колесо, вспоминал шаг от остановки. Захотелось соединить знакомый двор с камнем на дороге. Назвал вслух, где находился.

Водитель дал ход назад. Я показал ему левую границу, и машина вышла на твёрдую колею. Желание повернуть к склону не исчезло, но теперь я замечал его до движения. Второй

тягач последовал за первым, сохраняя натяжение кабеля. Павел остался у задней машины и передавал команду остановиться, если расстояние между машинами сокращалось.

Мы шли медленно. В двух местах приходилось останавливаться, чтобы поправить кабель, цеплявший камни. Я не подключал общий маршрут и не отводил глаз от колёс. Двор в памяти повторялся всё быстрее. На третьем повороте не смог вспомнить, была ли царапина выше замка или ниже. Дверь ещё оставалась перед глазами, и я решил, что хватит времени вывести последнюю машину.

В наушнике прозвучал женский голос.

— Мира, не выходи на настил.

Рука сжалась на кабеле раньше, чем я разобрал слова. Не мог вдохнуть. Увидел мокрые доски, хотя под ногами была пыль. Голос повторил имя, а затем оборвался на шуме. Я спросил Кирилла, кто говорил. Он проверил источник: на частоте не было зарегистрированного передатчика.

Имя мне ничего не сказало. При этом колени подогнулись, и пришлось опереться о борт. Павел сообщил, что в одном из кадирских приложений была девочка с таким именем. Я не видел того приложения сейчас и не мог проверить, о ней ли прозвучал голос. Позвал Кирилла повторить запись. Он отказался включать её, пока я связан с контуром, и я впервые за весь подъём не стал спорить.

На экране левая линия качнулась к старому съезду. Я смотрел на дорогу и восстанавливал путь во дворе. У остановки был бордюр, за ним проход между гаражами. Дальше три ступени. Вместо двери появлялся тёмный прямоугольник. Сосредоточился на руке водителя: он ещё ждал моего сигнала.

Последний тягач вышел на площадку у опоры связи. Сняли натяжение и закрепили машины тормозами. Только после этого Павел отключил калибровку. Я отступил от колеса и сел на камень. Левую ладонь не удавалось разжать, пока Кирилл не снял с неё кабель.

Наш транспорт встал за тягачами, МОГ прикрыла площадку. Разведчик был потерян, боковое окно разбито. Стрелин насчитал пятьдесят восемь патронов. До закрытия коридора оставалось меньше двадцати минут.

Транспорт с искомым номером стоял у противоположного края площадки. Я подошёл после проверки кабины. Внутри никого не было. На сиденье и дверной ручке темнела кровь; след тянулся к боковому выходу, затем терялся на камнях. В подлокотнике осталась использованная перевязка. Охранник собрал образец, а Павел отправил его в полевой анализатор.

Под задним сиденьем лежала пустая кассета Белой записи. Я узнал защитную полосу на корпусе: такими кассетами закрывали носители исходных данных. Пломба была разрезана, внутренний модуль вынут. По одному футляру нельзя было определить, унесла его Вера или человек, который её искал. Я снял кассету на месте, не трогая.

В задней двери были пробоины. Павел осмотрел углы входа, затем велел собрать пули, застрявшие в усилителе борта. Они прошли снаружи, с площадки, где человек мог стоять почти вплотную к машине. Изнутри тоже стреляли: скол на внутренней обшивке уходил к выходному отверстию. Но след начинался под сиденьем и вёл в землю у колеса. Из такого положения нельзя было попасть в людей на площадке.

Кирилл нашёл гильзы партии местного миротворческого подразделения. Боеприпасы могли перейти в чужие руки — записал это рядом с номером. Попадания шли с нескольких близких точек, по пустым местам кузова. Открытую дверь не задела. Чем дольше смотрел, тем меньше это походило на внезапный бой.

Анализатор показал совпадение с профилем Веры Мельник; подтвердить его должна была лаборатория. Перечитал результат. Кровь была здесь, Веры в машине не было. По следу нельзя было понять, могла ли идти сама.

У панели управления сохранилась часть журнала. Открыл доступную часть технического журнала, чтобы сопоставить время остановки со временем прохода северного поста. Отметка вскрытия отсека памяти стояла раньше сообщения о нападении — на тринадцать минут. Внешний пакет утверждал, что журнал повредили в перестрелке. Я проверил часы по последней синхронизации. Смещения не нашёл.

Отсек открыли до времени, которым обозначили начало боя. Это ещё не объясняло, кто находился внутри, но требовало проверки. Я потянулся сохранить фрагмент. Павел накрыл разъём защитной крышкой и попросил убрать руку.

На его терминале видел распоряжение продолжить поиск. Сведения о смешанном словаре требовали передать отдельно, не включая в оперативный доклад. Там же предписывалось ограничить мои полномочия после отключения конвоя.

— Журнал больше не трогай, — сказал Павел.

Я указал на время вскрытия. Он ответил, что транспорт останется под охраной и его проведёт назначенная группа. Мы не должны задерживать поиск ради разбора носителя. Попытался открыть свой рабочий контур — доступ оказался закрыт. Приказы по-прежнему приходили, но управлять маршрутом и просматривать новые журналы я больше не мог.

Павел отвёл меня за заднюю дверь. В предварительной оценке отключение тягачей значилось возможным вмешательством в движение гуманитарного конвоя. Он добавил к ней запись о машинах у края, свои команды и подтверждение подключения Якоря. Подписал, что действия совершены с его разрешения, а людей и грузы мы вывели без потерь.

— Я подтвердил твои действия. Не заставляй меня подтверждать то, чего не видел.

Он видел кровь, кассету и время вскрытия. Павел кивнул, попросил пока назвать это наблюдением и напомнил о коридоре. Патруль закроет дорогу с обеих сторон. Он вернул блокнот, выпавший при подключении, и подошёл к Стрелину.

Развернул страницу с проверкой памяти. Там было записано: дверь справа, коричневая краска, царапина у замка. Вспомнил остановку, проход между гаражами и три ступени. Дверь не появилась. Я знал, что входил в неё годами, мог назвать номер квартиры, но не видел ни ручки, ни поверхности, ни того движения, которым открывал её.

Попробовал ещё раз, от обратного пути. Внутри квартира сохранялась отдельными местами. Чтобы выйти, требовалось пройти через пустой участок. Посмотрел на собственную запись: сделал её меньше часа назад. Почерк был мой, пятно крови с пальца тоже. Я приписал, что образ не восстанавливается, и закрыл блокнот до следующей проверки.

Рашиду подал воду, отвинтив крышку правой рукой. Он спросил, отчего смотрю на записи. Ответил, что проверяю, чего не помню. Переводчик не уточнял. Пил, пока я считал машины.

У колеса разбитого транспорта лежали четыре жетона. Пришлось присесть, чтобы разглядеть, как они уложены. Пластинки складывались в стрелку остриём к нижней дороге. Ветер поднял угол бумаги, прижатой крайним жетоном. Кирилл осветил его фонарём: на листке было написано моё имя, ниже — «Лейла Азар».

Стрелка указывала назад, к старому распределительному пункту воды под площадкой. Мы уже прошли его, поднимаясь за транспортом. Оттуда можно было уйти в русло, не показываясь на дороге. Приказ гнал нас за ней на север, а она оставила знак в стороне от пути, которым мы пришли.

Павел проверил склон через оптику и поручил мне осмотреть вход, пока группа готовилась к выходу. Я сложил бумагу, оставив жетоны на месте для съёмки. На пластинке у основания стрелки сохранилась чужая фамилия; под ней стоял номер задержания. Спустился на нижнюю тропу. За спиной заводили тягач, а впереди темнела дверь распределительного пункта, к которой предстояло подойти пешком.

Глава 4. Лейла не ждёт спасения

Период: 2062 год. Ночь с 1-го на 2-й день.

Место: заброшенный распределительный пункт воды под перевалом Керд, Сармская долина.

Дверь насосной открылась внутрь. Я повёл пистолет в проём, и Лейла, стоявшая за полотном, перехватила мою руку. Она прижала к косяку моё больное запястье, оттянула оружие за кожух и отступила раньше, чем я успел развернуться. Налетел плечом на стену. Когда поднял голову, пистолет уже был у неё в руках.

Фонарь остался на полу. Свет уходил под насос, выхватывая мокрый бетон. Лейла держала ствол ниже моей груди, палец лежал у спусковой скобы.

Ещё на спуске пришлось обойти осыпь и дожидаться пропуска конвоя на стоянку. Стемнело. Автомат оставил в машине по указанию Павла: на осыпи требовалась свободная рука. Павел велел проверить пункт; теперь между мной и дорогой стояла Лейла.

Она заставила отойти от двери, положить терминал на кожух насоса и показать ладони. Присела за фонарём, не выпуская меня из виду. Запястье ныло после удара; повязка на пальце намочила. Я попытался сказать, что пришёл помочь и что в разбитом транспорте нашли кровь Веры.

Лейла указала пистолетом на стену. Там в целлофановом кармане лежал лист. Внизу стоял номер кадирского отчёта, который я подписал восемь месяцев назад.

— Сначала прочитай.

На копии были пять строк приложения о гражданских потерях и отметка: сведения уточняются. Я помнил согласие принять документ до окончания сверки. Самих строк не помнил.

Лейла потребовала читать имена, после чего обещала выслушать. Попытался объяснить, что Павел ждёт ответа. Она вернула свет к листу.

Мира Сади была первой. Восемь лет. Имя прозвучало у меня в наушнике на перевале, однако здесь за ним стояли возраст и место, где нашли тело: настил у западного причала. Пришлось подойти ближе. Вспоминались мокрые доски, но лица ребёнка не было.

— Мира Сади. Найла Сади. Арсен Вед. Тимур Карель. Инга Лисова.

Фамилия Инги попала на сгиб. Лейла разгладила бумагу, заставила повторить. Инге было сорок шесть, работала фельдшером. Арсен — на причале. Про Тимура внесли только возраст.

Найлу нашли у того же настила, что Миру. Поле о родстве осталось пустым. Лейла сказала, что Найла была матерью девочки. Поиск родственников закончили до обнаружения женщины.

Моя подпись подтверждала получение приложения: список мне передали. Восемь месяцев помнил число погибших лучше, чем хоть одну из фамилий.

Лейла убрала лист и опустила пистолет, разрешая продолжить разговор. Рассказал о крови, пустой кассете и вскрытии отсека памяти за тринадцать минут до объявленного нападения. Лейла попросила номер транспорта и точное время. Полевое совпадение крови с профилем Веры я назвал предварительным.

Вера ушла сама, с перевязанной раной. После расставания сообщений не присылала. Они разделились у опоры: за транспортом следили. Вера направилась за второй частью Белой записи; при ней находился только фрагмент.

Лейла назвала ремонтные площадки восточнее Нары. У Веры было несколько вариантов встречи. Выбранного адреса Лейла не знала.

Лейла позволила ответить Павлу при ней. Сообщил, что вошёл, обнаружил людей и проверяю помещение. Павел потребовал не терять связь: группа не останется до утра. Его голос доходил с провалами.

За заслонкой начинался проход к резервуарам. Женщина придерживала мальчика за плечо; пожилая сидела на ящике с сумкой на коленях. Возле них стояли канистры. Мальчик смотрел на пистолет.

Женщину звали Хана Дален, её сына — Надим. Эсма, мать Ханы, попыталась поднять канистру. Лейла остановила её: для перехода приготовлены фляги, остальную воду придётся оставить.

Муж Ханы, Самир, работал с журналами перевозок. Сообщил о несоответствии рейсов числу принятых людей и исчез. Семья получила уведомление о переводе, без адреса. Хана видела документы, принесённые им домой. Лейла выводила её и родственников из посёлка.

Лейла выложила стрелку, увидев нашу машину на подъёме. Если бы я прошёл мимо, собиралась включить свет у входа. Пока поиск шёл к ней, семья могла выйти в русло.

На вопрос, почему осталась, Лейла показала на Эсму. Та уже не выдержала бы ещё одного подъёма. Предложил вывести их к конвою, посадить рядом с Рашидом. Там были вода и охрана. Лейла спросила, сняли ли с переводчика стяжки после его предупреждения о дронах. Слышала о нём на дорожной частоте.

Пришлось признать, что Рашид всё ещё связан. Хана слушала, не вмешиваясь. Когда предложил ей подъём к конвою, она спросила, сможет ли отказаться от допроса до встречи с мужем. Такой гарантии у меня не было. Женщина подтянула к себе сына и сказала, что пойдёт нижним путём с Лейлой. Эсма кивнула, поправляя ремень сумки.

Лейла передала мне сложенные листы. На первой странице те же пять человек значились живыми, размещёнными в сармских лагерях. Мира и Найла — в Долинном. Даты относились к месяцам после кадирского удара.

На второй странице сходились личные номера из двух документов. У Миры совпадал номер браслета, зарегистрированного при обнаружении тела. Я ещё раз перевернул листы, проверяя цифры. Фамилии могли принадлежать однофамильцам. Номера требовали отдельного ответа.

Лейла оставила мне страницы. Оригинал и носитель с зашифрованной копией убрала в карман. Разрешила сверить одну запись; список нельзя было передавать в поиск, имена семьи — публиковать.

Проверить следовало регистрацию смерти Миры по номеру браслета. После подтверждения Лейла согласилась встретиться у нижнего водосброса возле Нары. Если приведу группу задержания, Хана не подойдёт.

Мой доступ к журналам был закрыт. Лейла попросила найти человека, который вправе выдать выписку и подписать её. По лестнице сверху прошёл свет.

Кирилл сообщил о трёх малых аппаратах над пунктом. Принадлежность без разведчика определить не мог. Павел приказал вывести людей к группе.

Передал, что внутри трое гражданских. Лейлу не назвал. Она отвела семью за резервуар. Первый аппарат протиснулся в разбитое окно. Свет скользнул по полу, остановился на тёплом кожане и переместился к проходу. Я успел оттащить Надима за бетонную опору. Короткий удар разорвал обшивку резервуара. На стене посыпалась штукатурка.

Лейла выстрелила в окно. Аппарат ушёл вверх, задел лопастями раму и исчез снаружи. На полу осталась расколотая канистра. Вода потекла под ботинки.

Лейла отправила семью вниз и открыла затвор промывочной линии. Горячая вода ударила в лоток, поднялся пар. Бак она прогрела при подготовке пункта. Топливо заканчивалось, но контур ещё держал давление.

Второй аппарат потерял Надима в облаке и сделал новый заход. Пар редел; силуэт Эсмы проступал сквозь него. Аварийный насос не подхватил воду. Лейла нажала местный пуск, но двигатель только дёрнулся. В лотке поток уже ослабевал. Пока она удерживала дрон выстрелами у рамы, добрался до щита.

В щите пахло перегретой изоляцией. Питание шло от местного генератора, пуск разрешал общий контроллер. На заклинившем контакте чернел след нагрева. Пальцы не удерживали рукоять. Хана прижала крышку, пока работал здоровой рукой.

Передал Павлу: обстреляны, насос не запускается, гражданские ниже окна. Стрелин ответил очередью над крышей. Нижнее окно закрывал скальный выступ.

Контакт удалось посадить на место. Двигатель начал раскручиваться и тут же сбросил ход. На панели появилась команда закрыть нижний клапан. Я повернул к нему голову и увидел человека в промокшей рабочей куртке. Он стоял у маховика спиной ко мне. С локтя капало на пол.

Моргнул: у клапана никого не было, хотя моя рука уже легла на обод. За спиной повторяли требование закрыть до сигнала, с одним и тем же кашлем между словами. На стене висела табличка памяти погибшей смены. След затопления проходил выше моей головы.

Убрал руку с маховика. Проверил обозначение трубы по выцветшей схеме. Клапан запирает отвод из нижнего помещения. Его закрытие подняло бы воду там, куда Лейла отправила семью.

Насос продолжал останавливаться по команде старого контроллера. Пришлось оставить его на местном управлении и следить за потоком самому. На этот раз двигатель удержал ход. Горячая вода пошла в лоток; пар закрыл окно и лестничную площадку.

Лейла перестала стрелять. Я насчитал четыре её выстрела. Она отступила к нам, прижимая пистолет к боку. Аппарат ударил в край проёма, пытаясь пройти ниже облака. Лопасты задевали арматуру. Мы пригнулись и пошли к лестнице.

Внизу вода покрывала пол. Хана держала мать за локоть. Надим смотрел на дверь, над которой горел указатель выхода. Показал туда. В голове уже складывался путь: вдоль резервуара, через дверь, вверх по служебной лестнице. За дверью заскрежетал затвор. Вспомнил, как такие маховики доходили до упора. Захотелось помочь закрыть последний.

Лейла взяла меня за плечо и развернула к решётке в боковой стене. Указателю она не поверила: днём уже проверяла пункт и знала, что за дверью обрушилась лестница. Выходить следовало через водосброс.

Я продолжал видеть целые ступени. Убедить её хотел не по схеме и не по собственному осмотру — только потому, что знал, куда должна лечь нога. Надим уже шагнул к двери, но Хана вернула его. Попробовал вспомнить собственный путь к квартире, но он обрывался перед дверью, как на перевале. Показал Лейле боковой проход и попросил проверить за меня.

Она посветила под решётку. За ней вода уходила в широкий бетонный канал. Днём Лейла сняла крепление нижнего края, чтобы вывести семью; теперь полотно прижало потоком. Взялись вдвоём. Боль прострелила запястье. Надим подал Лейле ломик.

Выше раздался взрыв. Пар выдавило вниз, фонарь помутнел в её руке. Пистолет она сунула за пояс и навалилась на ломик. Решётка отошла настолько, чтобы Хана могла протиснуться первой.

Хана приняла сумку и помогла матери опуститься в канал. Надим спросил, куда смотреть. Показал на фонарь у Ханы. Мальчик прошёл под решёткой, не поворачиваясь к старой двери.

У лестницы был второй пост управления. На нём загорелась отметка закрытия затвора. Привод ожил. Две створки в канале начали сходиться; между ними ещё стояла Эсма. Лейла пролезла следом и подтолкнула женщину вперёд. Я вернулся к местному посту, сбросил команду. Привод остановился, затем снова попытался тянуть.

В наушнике повторилось требование закрыть до сигнала. Со стены капала вода, но на полу возле поста возникали следы чужих сапог. Они шли от клапана к лестнице, обрывались и начинались заново. Чтобы перестать смотреть на них, упёрся лбом в холодную крышку щита.

Отключил питание привода отдельно от насоса. Створки остановились, семья прошла за поворот канала. Лейла подняла руку: все снаружи.

Остановил насос. Вода перестала прибывать, пар рассеивался. Снаружи слышался мотор. Павел приказал держать вход: над крышей оставался дрон.

Я спустился к решётке. Лейла стояла по другую сторону. За её плечом виднелась только рука Ханы с фонарём. До выхода в русло им оставалось пройти канал; наверх вела другая служебная дверь, у которой могла встретить группа.

Попросил вернуть пистолет. Лейла посмотрела на кобуру, потом в сторону семьи. В канале было слышно, как Хана уговаривает мать сделать ещё несколько шагов. Эсма отвечала, что ремень сумки зацепился за бетон.

Лейла не могла одновременно помочь Эсме и прикрыть выход. Забрав оружие, я должен был идти с ними. Ещё можно было вывести семью к Павлу. Тогда он получил бы имена и разрешение на задержание Лейлы.

Спрятал копию под застёжку куртки, обещал проверить запись. Условились сообщить на местной частоте номер браслета и фамилию человека, подтвердившего выписку. До ответа Лейла не согласилась на новую встречу.

— Пистолет оставь, — сказала она.

Кивнул, положил на выступ запасной магазин из кобуры. Теперь у Лейлы было чем прикрыть семью, а у меня — копия, требовавшая проверки.

Она задержала взгляд на моей куртке. Напомнила, что чтение пяти имён ничего не изменило в кадирском отчёте. Ответил, что знаю. Лейла не стала спрашивать, что ещё я готов признать, и пошла к Хане.

У служебной двери передал Кириллу, каким выходом поднимаюсь. Семья ушла из помещения, под огнём больше не находилась. Он переспросил направление. До ответа оставались несколько шагов, и каждый можно было сделать медленнее.

На площадке у дверной рамы я остановился. Снизу донёсся голос Надима: он нашёл ремень и помогал бабушке освободить сумку. Потом шаги ушли за поворот. Я сообщил Кириллу, что точного положения гражданских сейчас не вижу. Это было правдой, которой прикрыл другую правду.

Боец наверху проверил руки и пустую кобуру. Показал ему аппарат над окном. Возвращаться за семьёй уже было поздно: вход в русло закрывал скальный изгиб.

Павел ждал у машины. Сразу спросил про оружие. Сказал, что пистолет у Лейлы. Он посмотрел на меня, затем потребовал назвать место встречи. Ответил, что встреча зависит от проверки документа. Павел попросил сам документ.

Передал номер кадирской записи и браслета Миры. Павел велел стоять у машины, не спускаться обратно. Запрос принял, когда назвал источник: приложение к подписанному мной отчёту. Копию лагерного реестра я оставил под курткой.

Рашид сидел за разбитым окном, руки оставались связаны. Подвинулся, но Павел остановил меня у двери. Кирилл занёс время возвращения. Павел оформил карточку контакта, вписав мой ответ об оружии.

Терминал принял мой запрос о регистрации смерти. Ни выписки, ни подтверждающего имени пока не пришло. Вместо ответа появился пакет о контакте с разыскиваемой. В моей строке статуса оператора стояло: вероятный соучастник утечки. Основанием значились выход гражданских из зоны проверки и передача служебного оружия. Я сохранил номер уведомления рядом с номером браслета Миры, застегнул куртку над бумажной копией и поднял голову к Павлу, который уже звал меня для объяснения.

Глава 5. Приказ на двух языках

Период: 2062 год. День 2, предрассветные часы.

Место: сухое русло у посёлка Нара, Сармская долина.

Павел вышел из-за машины и поднял ладонь, останавливая меня у края русла. Внизу, за бетонным лотком, стояли два гражданских транспорта. На открытой дверце одного белел знак медицинской службы. До них оставалось метров сорок; между мной и дверцей лежала полоса камней, по которой можно было пройти, пригнувшись.

Лейла стояла у фургона с выпиской, переданной через Надима. Подпись она уже проверила. Теперь нужно было вывести машины, но наша группа перекрыла выезд.

Ночью регистратор Ирина Трофимова выдала заверенную выписку о смерти Миры с номером браслета и датой обнаружения тела. Павел прочитал первым, разрешил сохранить. О переносе сведений в лагерный реестр отправил отдельный запрос. Ответа, почему девочку записали живой, ещё не было.

Платформы с водой передали дорожному посту; к Наре спустились на двух машинах. В нашем транспорте был Рашид с охранником, следом шла МОГ. После огня по крыше насосной у Стрелина осталось пятьдесят два патрона.

Я передал условленный номер на местной частоте, назвал регистратора. Кирилл и Павел слышали. Водосброс возле Нары уже входил в маршрут осмотра.

Когда Надим поднялся за выпиской, Павел не стал задерживать мальчика. дождался его возвращения к фургону и велел мне отойти от спуска. Я попросил пропустить семью, а Лейлу вызвать на допрос отдельно. Он ответил, что разделить людей по моему обещанию теперь не может.

Автомат лежал в машине, пистолет был у Лейлы. Павел предложил сдать терминал и пройти к транспорту для оформления задержания. Свидетелям обещал допрос с регистрацией каждого и уведомлением о месте содержания.

Павел не знал, где Самир Дален, и встречи с ним не обещал. Готов был внести запрос от семьи в моём присутствии. За открытой дверью Надим помогал Эсме пристегнуться. Хана стояла между фургоном и маленьким грузовиком, держа сумку за обе ручки.

Павел развернул терминал. На снимке были заряды, снятые с опоры водозабора, подпись сапёра и время обезвреживания. Человека остановили по предупреждению превентивной группы. Изъятый при нём пускатель был связан с зарядами.

На следующем кадре узнал старое крепление решётки, трещину, стянутую скобами. После взрыва насос сорвало бы с опоры, вода перестала бы поступать в нижние посёлки.

Пролистал осмотр и заключение. По этим бумагам действительно удалось предотвратить диверсию. Вернул терминал. Он напомнил о посёлках без воды, о солдатах, которым пришлось бы чинить станцию под огнём. Списки помогли остановить человека до взрыва. Если бойцы сами начнут выбирать проверки, следующая группа может не успеть.

У Рашида маршрут изменился из-за закрытых колодцев. Павел подтвердил: объяснение подлежит разбору. Ошибка в одном случае не отменяет найденных зарядов в другом.

Павел придерживал терминал у груди, освободив руку для сигнала. Боец смотрел на его ладонь; водитель повернул колёса поперёк выезда.

— Я не могу держать группу на твоём слове, — сказал Павел. — Ты сам перестал выполнять своё.

Хана ждала у фургона. Мог пройти к машине, отдать терминал, попросить записать её имя без ошибки. После этого выбирать место допроса она уже не могла бы.

Лейла подняла голову к восточному краю русла. Потом схватила Хану за рукав и повела под лоток. Надим спрыгнул из фургона вслед за ними. Эсма задержалась на ступеньке, и мальчик вернулся.

Кирилл крикнул с дороги о целях над склоном. Первый аппарат прошёл над моей головой. Я увидел тёмный корпус и короткие стойки, затем на камнях возле гражданского грузовика вспыхнул удар. Воздух толкнул в спину. Павел сбил меня на колени, прижал за колесом. По кузову застучало.

Повреждённый привод МОГ не поспевал за целью. Стрелин перевёл ствол в проход у устоя. Очередь заставила второй аппарат подняться; он исчез над дорогой.

Павел велел Кириллу смотреть верх русла, а бойцу с нашей машины — левый берег. Мне указал на салон. Автомат лежал там, где я оставил его перед спуском к насосной.

— Бери. Нижний выход.

Проверил магазин автомата, взял запасной. Охранник закрыл разбитое окно курткой. Рашид показывал связанными руками к лотку: там оставалась Эсма.

Мы с Павлом разошлись по сторонам колеса. Он следил за дорогой, я видел полосу русла под бетонным желобом. Лейла вела туда семью. Надим полз первым, Хана помогала матери опуститься на камни. За ними из санитарного фургона выбрался мужчина в рабочем жилете, вытащил складную сумку и лёг у колеса.

Аппарат вернулся с востока. Павел поднял руку, показывая сектор Стрелину, и не дал бойцу у грузовика стрелять через лоток. Я навёл автомат ниже бетонного края. Если бы цель прошла там, её можно было встретить, не ведя огонь над головами семьи.

Снизу прозвучал приказ бежать к правому берегу. Голос был рядом, хотя под лотком никто не поднялся. За камнем стоял человек с перевязанной головой. Он махал рукой к лестнице, уходившей в русло, и каждый раз начинал движение с одного места.

Павел показывал левее, под желоб. За его плечом другой человек тащил пустую носилку в противоположную сторону. В боковом стекле мелькнули оба, но за машиной их не было.

Я снял палец со спуска. Подсказка тянула ствол вправо, туда, где должна была появиться цель. Там двигалась Хана. Крикнул Павлу, что справа гражданские. Он увидел женщину, перенёс сектор бойца вверх и заставил повторить границы. Теперь мы называли друг другу предметы: край опоры, белая дверца, чёрный камень. Чужие руки продолжали махать, но ориентиров у них не добавлялось.

Хана добралась до бетонного укрытия. Эсма ползла на локтях, не выпуская ремня сумки. Надим хотел вернуться за ней, однако Лейла прижала мальчика к земле и сама подтянула женщину. Мне было видно, как она упирается пяткой в бок лотка. Пистолет оставался у неё за поясом.

Аппараты по очереди заставляли менять направление огня. Один показывался над левым берегом, другой заходил на машины. Стреляли, когда за корпусом оставался склон. Израсходовал девять патронов, результата не увидел.

Стрелин снял аппарат у устоя. Обломок упал возле двери фургона. Мужчина оттащил сумку под днище. Второй дрон ушёл к Кириллу, лежавшему за запасным колесом.

Павел запросил прикрытие с соседнего поста. Ответ пришёл с помехами; обещали внешний огневой пакет после подтверждения целей. Для связи Кирилл вынес местный блок на край русла. Кабель шёл от него к антенному узлу МОГ: радиоканал забивали, и между нашими машинами оставили провод.

Помог Кириллу закрепить блок на опоре. Кабель тянул за разъём; уложил петлю с запасом для движения машины. На экране замерли две отметки. Один из атакующих аппаратов получил допуск при проходе вдоль дороги, второй — над левым берегом. Система по-прежнему помечала оба аппарата как неизвестные. Кирилл открыл квитанции. В одной был служебный код Свода, в другой — допуск Меридиана.

Кирилл запросил исходные пакеты. Допуски сохранились, имя оператора отсутствовало. Чужой рой прошёл проверку. Он сохранил квитанции. В поле словаря, знакомом по мосту, изменился номер версии. Над левым берегом появилась цель; мы прижались к опоре.

Аппарат сбросил ход у грузовика Лейлы. На этом месте под лотком лежали люди. Дрон не нырнул к ним, а поднялся над кузовом и ушёл вдоль берега. Кирилл следил за ним, пока на экране собирались новые рамки.

Первой в пакет попала машина Лейлы, затем фургон. Сверху наложили общую область. В одной строке грузовик значился контактным узлом, в соседней — переходным посредником. Под двумя названиями стоял один номер. Людей, укрытых под бетоном, в пакете не было.

Павел подошёл к блоку. Для внешнего огня требовалось его подтверждение. Он раскрыл уточнённую маску: санитарный фургон был включён в перевозку носителей утечки, грузовик — в обеспечение выхода. Пакет предлагал лишить группу транспорта до ухода из зоны.

Я показал на открытую белую дверь. Под фургоном лежал водитель, за лотком — Эсма. Павел видел их, но попросил не смешивать людей и машины: маска уточнена, они смогут остаться в бетонном укрытии, а транспорт даст Лейле вывести носитель.

Эсма лежала в нескольких шагах от фургона. Опора не закрывала боковой проход. Если водитель побежит от колеса к лотку, останется в области поражения.

Попросил снять фургон и дождаться выхода человека. Павел указал на обратный отсчёт. Внешний расчёт не удержит окно: неизвестный рой уже заходил на нашу дорогу.

Попробовал открыть Красный отказ. Терминал принял номер контакта и сообщил, что у моего статуса нет полномочий подтверждающего оператора. Можно было приложить наблюдение. Область на экране оставалась общей.

Павел велел Кириллу отправлять подтверждение. Тот поднял взгляд к фургону, затем к командиру. Руки уже лежали на блоке. Я ещё раз сказал о человеке под машиной. Павел ответил, что отдельный выход учтён в уточнении.

В окне с исходным изображением водитель всё ещё лежал возле заднего колеса. Нового снимка после уточнения не было. Поддел кабель краем ремонтной лопатки и прижал к сло-манному бетону. Оболочка подалась, проводники разошлись. На блоке погасло подтверждение передачи.

Кирилл отдёргнул руку. Павел схватил меня за ворот, развернул к себе. Я не пытался освободиться. Назвал то, что сделал, и повторил: водитель не вышел.

За его спиной загорелась МОГ. Удар пришёлся в кабину. Машину подбросило колесом, ствол ушёл в склон. Стрелин исчез за бортом. Пламя пошло вдоль моторного отсека.

Павел отпустил меня и побежал к машине. Я двинулся следом. Кирилл остался у блока, пытаясь вернуть связь. Внешний пакет так и не получил подтверждения; неизвестный аппарат прошёл вдоль русла к новым целям.

У кабины лежал водитель Беляев. Нога попала под обломок дверцы. Он пытался повернуться на бок, но каждый раз возвращался на спину. Стрелин держался за край платформы. Ниже колена у него темнела штанина; ладонь, которой зажимал ткань, скользила.

Павел потянул оператора от машины. Я поднял дверцу, освободил Беляеву ногу и взял его под мышки. Запястье не выдержало. Пришлось сесть, упереться ботинками в камни и тянуть всем телом.

За лотком завёлся грузовик. Лейла поднимала Эсму в кабину. Хана придерживала мать с другой стороны. Водитель санитарного фургона бежал к своей двери с сумкой. До выезда им оставался узкий проход под устоем. Наша машина больше не перекрывала его: Павел отвёл её назад для огневого сектора.

Я мог спуститься туда. Из русла Лейла махнула в сторону фургона, где дверь ещё была открыта. Беляев вцепился в рукав моей куртки. Пламя от МОГ уже лизало камень над его головой.

Показал Лейле, чтобы уезжала. Она опустила руку и помогла Эсме устроиться в кабине. Больше я не смотрел вниз, пока не оттащил водителя за опору.

Павел положил Стрелина рядом. Оператор был в сознании, просил не сгибать ногу. Он назвал остаток боезапаса — восемнадцать патронов. Они лежали в горевшей машине.

Дрон сделал новый круг. Павел взял сектор над устоем, я — проход у дороги. Кирилл привёл нашу машину задним ходом, чтобы укрыть раненых кузовом. Охранник пересадил Рашида к противоположному борту. Тот помогал здоровым плечом удерживать дверь, пока мы втягивали внутрь Беляева.

Оставил автомат у опоры, подтянул Стрелина к двери. Павел подхватил снизу. Аппарат показался над камнем; закрыл оператора собой. Боец дал очередь выше нас, дрон отвернул.

Мы закончили погрузку. На моём рукаве осталась кровь Стрелина. Кирилл затянул повязку Беляеву; водитель перестал пытаться сесть. Две машины Лейлы ушли за изгиб русла. Последним исчез белый бок фургона.

Павел приказал отступать к насыпи. Я поднял автомат и прикрыл движение, пока он проверял, не зацепились ли руки раненых за дверь. Израсходовал ещё шесть патронов. Дрон ушёл выше дороги; попал ли в него, не видел.

Кирилл завёл машину за бетон. Аппарат ушёл к посёлку. Павел оставил наблюдателя у насыпи и подошёл ко мне. Автомат держал стволом вниз. Отдал его прикладом вперёд, затем вытащил запасной магазин. Павел принял оружие, положил в машину и проверил, свободны ли у меня руки.

Он поблагодарил за Беляева и Стрелина. Сказал, что без нашей переноски оба остались бы у горящего борта. После этого достал стяжки.

Повреждение кабеля было записано, мои действия видел боец. Павел подтвердил, что сам приказал отправить пакет. Его имя останется в журнале вместе с моим.

— Я не выстрелил в своих, — сказал я.

— Ты сорвал мой приказ. За раненых спасибо. Руки.

Повернулся. Стяжка легла выше повязки на запястье. Павел заметил, где натянулась кожа, и проверил расстояние пальцем. Затянул так, чтобы нельзя было освободиться, но кровь не перестала идти к кисти.

Павел нашёл под курткой копию списка. Я назвал источник, попросил записать число листов. Он пересчитал, показал Кириллу, убрал в отдельный пакет. Выписка о Мире осталась у Лейлы, её номер — в моём блокноте.

Рашид сидел у окна, сдвинув колени, чтобы дать место раненому. Меня посадили напротив. Он посмотрел на мои связанные руки и отвёл взгляд к дороге. Я попробовал дотянуться до сиденья плечом, нашёл положение, в котором запястье болело меньше.

Павел запросил медицинский приём для двоих и сообщил о потере МОГ. Приказ на доставку пришёл, пока Кирилл сверял номера сохранённых квитанций. Допуски Свода и Мериана он приложил к боевому донесению раздельно. Ни один ещё не объяснял, кто управлял атакой.

Павел держал терминал, пока я читал приказ. Вверху стояла подпись Андрея Кастина. Меня требовалось доставить лично, без передачи промежуточному патрулю. Ниже, после распоряжения о допросе, был отдельный пункт: изъятие памяти Якоря как служебного ресурса. Попросил дать прочитать ещё раз. Номер сам записать не мог, поэтому пересказал формулировку Кириллу. После перевала полагаться только на собственную память было нельзя. Павел убрал экран, захлопнул дверь и сел рядом с водителем; перед тем как машина тронулась, я упёрся связанными руками в край сиденья, освобождая место для ноги Стрелина.

Глава 6. Камера для свидетеля

Период: 2062 год. День 2, день.

Место: временный следственный блок миротворческой базы, Сармская долина.

Павел придержал меня за локоть, пока санитары выносили Стрелина. Отступил к стене, освобождая место для его раненой ноги. Беляева уже увезли в здание с красной полосой над входом. У Стрелина сверили имя с браслетом и покатали носилки следом.

В распоряжении стояло: свидетель. Категория вероятного соучастника оставалась в другом поле. Сотрудник сверил обе отметки с донесением Павла.

Врач срезал стяжки, перевязал палец и осмотрел запястье. Под повязкой кожа была горячей. Врач спросил, чем я повредил руку. Рассказал ему о зажиме на перевале и переноске Беляева.

Терминал и блокнот положили на стол для описи. У наградной планки заело крепление; показал сотруднику, с какой стороны поддеть. Он убрал планку с кадирской лентой в пакет. Награда значилась временно изъятой.

Блокнотом разрешили пользоваться на допросе: врач подтвердил просьбу из-за провалов памяти. Терминал остался у следствия, рабочие полномочия не вернули.

Рашида провели мимо двери, с новой стяжкой поверх старых следов. Его направляли в блок проверки контактов. Он повернул голову на мой голос, но охранник вёл дальше.

Павел сообщил, что оба раненых приняты. Донесение, запись повреждения кабеля и квитанции допуска аппаратов приложил к доставке. Проверил номер наградной планки в описи и ушёл по вызову.

В комнате допроса стояли стол и три стула. Одну камеру закрепили над дверью, другую — на столе. Женщина сверяла время на экране. Когда меня посадили, запросила опись изъятых вещей.

Ольгу Реут узнал по голосу. У неё был знак аккредитации комиссии, на столе — собственный накопитель в опломбированном футляре. Она присутствовала как архивист, фиксировала беседу, но приказов охране не отдавала.

Кастин сел напротив, положил папку обложкой к камере. Спросил о руке. Ответил, что перевязку сделали. Он пояснил положение свидетеля. Применение оружия и повреждение линии будут разбирать по служебному материалу. Сейчас требовалось установить происхождение данных и обстоятельства контакта с Лейлой. До окончания первичной проверки я оставался в распоряжении базы. Формулировка о памяти Якоря относилась к отдельной экспертизе служебных сеансов.

Кастин предложил сначала сопоставить журналы. Пункт об изъятии памяти оставался в распоряжении. Ольга потребовала приложить его целиком к записи беседы. Копию положили перед камерой.

Развернул блокнот на записи о двери квартиры, сделанной перед подключением. Сказал, что потерял часть памяти об обычной жизни и что эти утраты теперь помогают искать людей, которым нечего предъявить.

Ольга спросила время подключения, кто разрешил и где сохранилось наблюдение. Назвал подтверждение Павла и видеозапись конвоя. Отметку о двери сделал до калибровки; проверку после неё видел Кирилл.

Потеря памяти была конкретным событием. Утверждение о том, как её используют против людей, требовало другой записи. Ольга попросила показать эту связь.

Кастин слушал, не перебивая. Затем предложил разобрать рейд с самого утра. Ольга открыла лист для источников. Рассказал о турели, игрушке Амина и Красном отказе. О задер-

жании Ильяса, жетонах и листе с кодом Контур-П. Показал номер принятого пакета, назвал место изъятия.

Ольга переписала реквизиты передачи, запросила мои снимки жетонов до изъятия. Сотрудник вывел кадры на экран. Разницу между временем снимков и приёмной описи внесли в протокол.

Ильяс не сопротивлялся. Когда назвал задержание ошибкой, Ольга остановила: я знал поведение человека, но не результат рассмотрения дела.

Хотел добавить, что обещал ему проверку в тот же день. Добавил. Сотрудник записал обещание отдельно от решения уполномоченного. Я увидел обе строки на экране и попросил сохранить их рядом.

Показал номер записи о смешанном словаре. Объяснение перемен маршрута Рашида внесли, маску не пересчитали. Он оставался связанным после предупреждения об атаке.

Полковник открыл свою папку. Там были сведения о сорванных атаках на водозабор, склад и дорожный пост. Для каждой указывались предупреждение, действия группы и найденный предмет. Отдельно шли случаи, в которых при задержании ничего опасного не обнаружили. Я искал их глазами; Кастин сам перелистнул к этой странице.

Из семнадцати проверок пять завершились изъятием оружия и зарядов, восемь человек освободили, четверо оставались задержанными. Потери групп снизились. Условия тоже изменились: перемирие, другие маршруты. Ольга внесла оговорку. Кастин согласился и вернулся к случаю с зарядами, который показывал Павел.

По его словам, сохранённый водозабор давал время проверять ошибки. Если отменить механизм до разбора, армия вернётся к поиску после взрыва. Он спросил, кого мы пошлём туда первыми. Я представил Беляева на камнях возле горевшей кабины.

Напомнил, что наши двое ранены в бою с аппаратами, прошедшими проверки обеих сторон. Кастин получил квитанции Кирилла. Допуски могли быть похищены, повторно использованы или ошибочно выданы. Сам факт он не оспаривал.

Ольга спросила, какие из этих вариантов уже проверены. Ни один не был закрыт. Она попросила оставить это в протоколе, не заменяя перечень причин общей фразой о вражеском вмешательстве.

На экран вывели снимки разбитого транспорта: кровь у двери, пустая кассета, пробоины. Кастин подтвердил отправку образца в лабораторию. Результаты ещё не было.

Отметку вскрытия за тринадцать минут до нападения видел на экране. Журнал не сохранил: Павел закрыл разъём. Ольга зафиксировала способ получения сведений, запросила поручение о сохранении носителя. Его нашли в материалах Павла.

Описал встречу с Лейлой, пять имён и передачу списка. Кастин показал изъятые листы, попросил подтвердить состав. Пересчитал страницы. На сгибе остался след горячей воды, одна цифра возле имени Миры расплылась. Листы были те же. Подтвердил передачу, но объяснил, что происхождение лагерного реестра сам не проверял. Выписку о смерти получил через официальный запрос.

Кастин спросил, где теперь Лейла. Назвал последнее место, где видел грузовик и фургон. После поворота русла машин не наблюдал. О направлении Веры у меня были только слова Лейлы. Точного адреса не было.

Он попросил передать и приблизительное. У Веры ранение, время для поиска сокращалось. Я думал о ремонтных площадках: туда можно было отправить врача вместе с поиском. Видел на столе мою наградную планку в прозрачном пакете и пытался понять, кто встретит Веру первым: врач или человек с распоряжением об изъятии записи.

Сказал, что не могу подтвердить её присутствие ни на одной площадке. Кастин повторил вопрос о словах Лейлы. Я попросил запросить для Веры медицинский приём при обнаружении. Он велел сотруднику внести поручение и вернулся к адресу.

Я промолчал. Ольга отметила, что вопрос остался без ответа, и не позволила скрыть это в общей фразе о неизвестном местонахождении.

Перерыв объявили после разбора повреждённого кабеля. Я подтвердил, что разорвал его сам, понимал назначение и хотел остановить передачу пакета. Кастин спросил, видел ли Павел санитарный фургон. Видел. Требовал ли отправить подтверждение после моего предупреждения. Требовал. Ольга попросила оставить оба ответа дословно.

В коридоре охранник отвёл меня к кулеру. Из-за соседней двери донеслось требование не затягивать правую руку. Фраза прозвучала дважды, с одинаковой задержкой перед последними словами. Я перестал нажимать на кран.

У стены стоял мужчина, прижав локоть к груди. Голова была опущена, пальцы вытянуты вперёд. Он поворачивал кисть, сводил пальцы и возвращал руку в прежнее положение. Когда моргнул, на этом месте остались стул и крюк для одежды.

Ольга вышла вслед за мной. Я спросил охранника, кто находится за соседней дверью. Он сверился с терминалом и ответил, что помещение свободно. Повторил услышанную фразу. Ольга остановилась у стены, попросила назвать точные слова.

— Не затягивайте правую. Я ей пишу.

Ольга запросила карточку Марата Сейфа. Он был освобождён неделю назад. Ту же жалобу она слышала на записи его доставки: Марат работал писарем. Оговорила, что одной фразы для установления личности недостаточно.

Ниже крюка шла тёмная полоса. На ней различались короткие поперечные штрихи, оставленные ребристой пластиковой лентой. Внизу темнела кровь. Я показал след, не касаясь стены. Охранник сказал, что коридор используют для разных доставленных, затем отвернулся к двери.

Сотрудник снял участок штатной камерой. Ольга записала его фамилию, номер файла и время. Карточку освобождения сохранили отдельно. Связь человека со следом ещё требовала проверки.

Мужчина на мгновение появился снова, у самого крюка. Пытался поднять руку выше локтя, но кисть оставалась у груди. Вторая фраза оборвалась на вдохе. Я отступил от стены и сказал, что не буду называть это его показанием. Ольга кивнула, не спрашивая, что ещё увидел.

Вернулись в комнату. Кастин уже просматривал снимок коридора. Попросил проверить журнал уборки и доступа. Допустил старый след, ошибку записи об освобождении и остаточное восприятие поля. Ольга настояла, чтобы кровь и карточку не сводили к одному объяснению до анализа.

Полковник закрыл папку с рейдом и открыл кадирский материал. На первой странице стояла моя подпись. Он предложил закрытую проверку исходных данных с участием комиссии. Состав группы Павла до её завершения не менялся бы, кроме необходимости заменить раненых. Публичные заявления следовало отложить, чтобы люди могли дать отдельные показания.

Веру включали в ту же проверку. Для возвращения могли выделить медицинский транспорт. Белую запись Кастин требовал передать по описи.

Объяснял принятие неполного отчёта боями за узел и страхом за подразделение. Ольга подвинула лист ближе и спросила время решения.

Назвал конец операции. Она уточнила, какое именно действие совершил до подписания отчёта.

— Что ты подтвердил?

Мог ответить. Знал, что подтвердил удар при риске для гражданских. Потом согласился с документом, в котором часть последствий оставили за пределами основной версии. Потеря воспоминания о двери квартиры не затронула память об ударе. Собственное действие я помнил.

Посмотрел на пакет с кадирской лентой. Если начну сейчас, разговор выйдет за повреждённый кабель, за Лейлу и две машины в русле. Потребуется исходные журналы, показания других, проверка приказов. Я хотел сначала получить эти данные и сохранить возможность добраться до Веры.

Сказал, что был подключён к контуру и подписал итоговый материал. Ольга повторила: её вопрос касался подтверждения до отчёта. Я попросил сначала получить исходный сеанс.

Кастин не заставил отвечать дальше. Напомнил, что именно такую проверку и предлагает. Затем сказал, что вижу в ней способ удержать своих людей вне общего обвинения.

— Ты рассказываешь столько, сколько они, по-твоему, переживут.

Ольга оставила место для ответа незаполненным. Не назвала просьбу об исходном сеансе отказом признавать вину; записала точный вопрос и то, чем я его заменил. Потом развернула протокол для чтения.

На обороте копии описи, лежавшей под ним, появился номер. Ольга прикрыла его краем листа, пока сотрудник поправлял кадр на общем экране. Когда снова села, номер остался возле моей ладони. Рядом была контрольная сумма фрагмента.

Попросил вернуть снимок кассеты и увеличить бирку у защитной полосы: хотел сверить запись в протоколе. Знаки совпали.

Ольга не стала обсуждать номер при Кастине. Когда он вышел принять вызов, объяснила, что комиссия получила файл с таким идентификатором. Данные дошли отдельно от носителя, через канал, в котором не удалось подтвердить каждый переход. Совпадение суммы связывало копию с обозначением на кассете, но само по себе не доказывало происхождение записи.

Я спросил, смогут ли её отвергнуть. Ольга ответила, что без исходного носителя и цепочки хранения это уже делают. Следовало сохранить номер. Утверждать, что у комиссии есть полный архив, я не мог: его у неё не было.

Хотел сказать, что теперь могу помочь. Она указала на незаполненное место в кадирской части протокола.

— Помогите ответом на вопрос.

Снова попросил исходный сеанс. Ольга оставила мне копию описи. Прочитал номер на обороте и сложил лист. Подписал ответы о рейде, проверив время и замечание о вопросе, на который не ответил.

Кастин вернулся с распоряжением о переводе. До продолжения проверки меня помещали в блок свидетелей. Награда и доступ оставались изъятыми. Попросил внести, что нового подключения к Якорю в этой комнате не было. Ольга зафиксировала; сотрудник выдал копию распоряжения и забрал блокнот обратно.

В коридоре я задержался у тёмной полосы. На крюке теперь висела чужая куртка, закрывавшая верх следа. Охранник велел двигаться. Вложил опись в распоряжение и прижал бумаги к груди, чтобы не зацепились за рукав.

Рашид сидел на скамье у выходной двери. Рядом — женщина с перевязанным пальцем и мужчина в рабочей одежде. На экране конвоира все четверо были объединены в одну карточку: возможная группа передачи данных. Датой формирования значилось завтрашнее число.

Женщину звали Лариса Бек, мужчину — Георгий Ладин. Они называли друг другу имена, пока охранник проверял браслеты. Рашид сказал, что видит их впервые. Я попросил занести это в лист передачи. Конвоир посмотрел на общую карточку, дописал замечание от руки и открыл дверь. Мы вышли к закрытому транспорту. Перед ступенькой вложил опись в сложенный лист распоряжения и попросил Рашида повторить фамилии попутчиков.

Глава 7. Чёрная правка

Период: 2062 год. День 2, поздний вечер.

Место: транспортный тоннель под миротворческой базой, Сармская долина.

На развилке под землёй головная машина свернула к ремонтным воротам. Водитель нашего транспорта убрал руку с руля, чтобы проверить маршрут, потом снова взялся за обод. На потолке мелькнули жёлтые полосы. Мы миновали указатель блока свидетелей и пошли вниз.

Почти весь вечер ждали разрешения на проезд. Лариса попросила воду; охранник передал бутылку, проследил, чтобы хватило всем. На его нагрудной пластинке прочитал имя: Алексей Дорин.

Руки перед выездом снова связали. Дорин просмотрел опись и распоряжение, разрешил убрать бумаги под куртку. Лист с номером Ольги остался внутри.

Наша машина шла второй из трёх. За решёткой над кабиной висел охранный модуль, стволом к боковой амбразуре. Дорин сидел у задней двери, закрывая коленом замок.

Водитель сказал, что нового маршрута ему не давали. На панели появилось подтверждение служебного объезда, подписанное узлом перевозок. Он запросил диспетчера. Вместо ответа в динамике прозвучал голос Павла.

— Перевод подтверждаю. Двери не открывать до выхода из сектора.

Голос назвал служебный код и нашу машину. Дорин сверил канал, подтвердил приём. Я спросил, почему командир поисковой группы подтверждает внутреннюю перевозку базы. Дорин показал распоряжение: Павел отвечал за мою доставку, пока передачу не закроют.

Голос говорил без помех. Водитель попросил уточнить воротный номер, и ответ начался с той же фразы, с теми же паузами. Дорин потянулся к своей рации. Она принимала только шум. Он велел водителю остановиться у ближайшего поста, но головная машина уже прошла ворота. Наш двигатель прибавил ход.

В тоннеле горели лампы через одну. У стены стояла кабельная тележка, дальше темнел боковой проход. Панель показывала обычный транзит. Вдоль колеи были сняты ограждения.

Рашид спросил, есть ли в этом секторе выход наружу. Дорин ответил, что сначала свяжется с постом. Георгий поднялся со скамьи, заглянул через решётку и увидел красную лампу над следующими воротами.

Взрыв пришёл сзади. Меня бросило на Ларису. Машина ударилась бортом о стену, свет погас. Из кабины донёсся металлический треск, затем второй удар заставил всех пригнуться. На полу покатались бутылка и обломок потолочной обшивки.

Дорин удержался за поручень, дёрнул замок. Ручка не двигалась. В аварийном свете лицо было серым от пыли. Он вызвал пост.

Из динамика повторили приказ Павла. Георгий крикнул, чтобы открывали: через повреждённый пол шёл дым. Дорин приложил рацию к уху, прислушался к шуму и встал у двери.

Ствол над решёткой повернулся от амбразуры. Сначала решил, что модуль потерял положение после удара. Но он остановился над проходом между скамьями, опустил и повёл вдоль наших ног.

Я столкнул Ларису на пол. Георгий упал рядом, Рашид прижал голову к коленям. Очередь разорвала край скамьи. Дорин дёрнул аварийный рычаг, однако модуль уже разворачивался для следующего прохода.

Под решёткой был сервисный люк. Я видел такие кожухи на транспортных платформах: питание привода и оружия проходило через нижний отсек. Руки стягивало перед грудью, до защёлки не дотянуться. Подполз к Дорину, показал люк и попросил нож.

Он посмотрел на разбитую скамью. Вытащил нож из крепления на ремне, перерезал мою стяжку. Я сел за опорой, чтобы ствол не достал сразу, и освободил Рашида. Передал ему нож, указав на руки остальных.

Угол люка зажал напольным листом. Поддел защёлку правой рукой. Левое запястье согнулось от боли. Рашид прижал крышку коленом, Георгий подал планку от скамьи.

По стене за опорой прошли попадания. Дорин набросил плащ на оптику и пригнулся. Движением установки ткань сорвало. Крышка люка подалась. Внутри мигал местный индикатор, пахло нагретой проводкой. Я нашёл питание охранного модуля по маркировке на кожухе и снял нагрузку. Ствол остановился между скамьями. Лампы у пола остались гореть, двигатель продолжал работать.

Дорин проверил водителя и покачал головой. Головная машина стояла поперёк тоннеля, кабина была тёмной. Лариса ступала на носок; ткань на голени обгорела. Георгий сбил огнетушителем пламя под полом. Через пробитый борт шёл дым.

Дорин перевёл заднюю дверь на ручное открытие. Полотно отошло на ладонь и упёрлось в деформированный доводчик. Мы с Георгием навалились с другой стороны. Охранник успел просунуть наружу плечо, затем удержал дверь, пока мы расширяли проход.

В тоннеле лежали куски бетона. Третья машина горела возле ворот, её фонари освещали дым снизу. Между нею и стеной двигался человек в тёмной форме. Он поднял карабин, направил в открытую дверь нашего транспорта.

Дорин выстрелил из пистолета. Человек отступил к стене, ответил, попав в край полотна. Охранник прижал нас к полу и выстрелил ещё. Карабин ударился о бетон. Мужчина упал рядом, за обломком кабельной тележки.

Дорин оттянул Ларису от проёма. Велел проходить по одному, не останавливаться снаружи. В боковом проходе за нашей машиной появились люди. Один держал над головой доску, другой ощупывал стену. Они двигались к узкой двери под аварийным указателем. Доска каждый раз цеплялась за одну и ту же трубу; человек возвращал её к плечу и снова поднимал.

Уже знал, где дверь даст слабинку, как повернуться, чтобы пройти. Рашид смотрел туда же. Дорин показывал к нише, но ноги поворачивались к указателю.

Приоткрыл боковую дверь, провёл рукой по кладке. За полотном начиналась стена из блоков. Шов был заделан, внизу на растворе лежала старая пыль. Человек с доской продолжал тянуться туда, где прохода уже не было.

Стукнул по двери куском бетона. Рашид осмотрел шов, перевёл Ларису к нише. Перед лицом снова подняли доску. Отступил, глядя на следы наших ботинок.

Пыль у ниши тянуло к решётке. За прутьями шла вода по дренажному желобу. Георгий нашёл край съёмного полотна: нижнее крепление заржавело, верхнее держалось на зажимах.

В сервисном отсеке оставался журнал. Экран показывал замену маршрута до прохода ворот. Вернулся к люку. Рашид поймал за рукав. Сказал, что дым усиливается. Ответил, что возьму носитель и сразу выйду. Дорин показывал ему идти к решётке, сам удерживал перекошенную дверь.

Местный экран работал от резервного питания. При повреждении сети на нём открылась очередь уже исполненных команд. Для доступа к журналу требовался ключ охраны. Рашид принёс от Дорина служебную метку и рацию. Приложил метку к панели, не подключая машину к сети.

Первый взрыв был отмечен в двадцать один шестнадцать. Пакет замещения создали в двадцать шестнадцать, за час до него. В нём были заданы новый маршрут, закрытие дверей и огневой режим охранного модуля. Пакет принял служебный узел перевозок базы.

Ниже находилась версия отчёта о потере колонны. Причиной значилось нападение диверсантов. В реестре нашей машины пассажиров уже перевели в категорию не подлежащих пере-

даче. Отдельное поле предписывало заменить исходный журнал после подтверждения разрушения.

Сохранились код доступа, время и номер принявшего узла. Маршрут и огневой режим подготовили до взрыва. Последняя строка ожидала подтверждения; объяснение нашей гибели уже лежало в памяти.

Нашёл крепление регистратора. Георгий вернулся помочь, подхватил модуль, пока освобождал второй зажим. Вытащили целиком, с опломбированной крышкой.

У двери засвистело. Дорин вздрогнул и прижался к полотну. Очередь ударила сзади, от третьей машины. Её охранная установка ещё работала; ствол поворачивался к нашему выходу сквозь дым.

Я сунул регистратор под куртку. Дорин удерживал дверь плечом, пистолет лежал у его ноги. На груди темнело пятно. Охранник показал нам проходить, затем упёрся в пол ботинком.

Георгий вышел первым и присел возле Ларисы. Рашид подал Дорину пистолет, но тот не взял. Оружие положили на порог, освобождая руки. Дверь начала сходиться; пришлось опереться о его предплечье, чтобы пролезть. Он продолжал держать её, пока я выбирался с носителем.

Снаружи повернулся к нему. Дорин уже сидел у порога, не выпуская край полотна. Попросил Рашида помочь вытащить. Вдвоём взяли охранника за лямки, но он обмяк, а дверь зажала его плечо. Попытались отвести створку. Новый удар расколол бетон над нами.

Рашид потянул меня к нише. Дорин перестал упираться ногой. Через проём было видно, как его рука соскользнула с края. Я окликнул его по имени, снова взял за ремень. Ответа не было. Георгий схватил меня за куртку и оттащил к стене.

До решётки пришлось идти вдоль разбитой тележки. Карабин лежал возле человека в тёмной форме. Взял оружие, проверил, не перекрыт ли ствол обломком. В подсумке стрелявшего нашёл запасной магазин. Теперь у нас было два магазина, один уже начатый.

Над воротами мелькнул малый аппарат. Свет прошёл по полу и вернулся к нише. Я дал два выстрела по открытому проходу, откуда он заходил. Аппарат поднялся к своду. Георгий освободил верх решётки, Рашид оттянул полотно и помог Ларисе пролезть.

Дренаж уходил за стену. Чтобы пройти, пришлось лечь на бок и толкать регистратор перед собой. Вода намочила рукав. За решёткой человек с доской всё ещё тянулся к замурованной двери. Я следил за пяткой Рашида и продвигался вслед за ним.

Последним пролез Георгий. Решётку прикрыли, чтобы свет не выдал открытый ход. В канале можно было сесть только у расширения. Лариса обернула ожог мокрым платком. Рашид помог затянуть узел.

В канале загорелся индикатор связи на рации Дорина. Вызвал Павла по аварийному каналу, назвал транспорт и место первых ворот. Спросил, отдавал ли он команду держать двери закрытыми.

Павел ответил; очередной взрыв заглушил начало сообщения. Внутреннюю перевозку он не подтверждал. Велел оставаться у машины, сообщить, сколько живых. Назвал всех по именам, сообщил, что Дорина вытащить не успели.

Павел потребовал объяснить стрельбу. На базе уже получили сигнал об отключённой турели и взломе служебного журнала. Я сообщил время загрузки пакета и подготовленную версию гибели колонны. Связь оборвалась, прежде чем успел назвать код доступа.

Когда канал вернулся, Павел велел выйти к прибывающей группе с поднятыми руками. Карабин положить на землю, носитель передать старшему. По его словам, использование оружия после изъятия и вскрытие журнала будут разбирать отдельно. На вопрос, кто вывел людей, ответил, что я. Он переспросил о людях, стрелявших снаружи, затем потребовал дождаться группы. В его сообщении побег уже стоял рядом с нападением. Я не мог передать ему файл по голосовому каналу; мог назвать только то, что увидел.

Попросил подтвердить, что четыре человека будут записаны живыми при приёме. Павел сказал, что именно для этого следует вернуться под охрану. Условия передачи задавал тот же узел, который час назад принял маршрут в ремонтный тоннель.

Я посмотрел на регистратор. Для базы мы оставались свидетелями до прихода одной команды, а для транспорта уже были людьми, которых не следовало передавать. Вернуть остальных по той же процедуре я не мог.

— Мы выйдем из дренажа. На базу сейчас не вернёмся.

Павел приказал остановиться. Сказал, что без разрешения уходить нельзя, потребовал точное место. Назвал вход в тоннель, где остались машины. Дальнейшего пути не сообщил. Канал снова оборвался.

Рашид спросил, что это будет значить для нас. Ответил, что я покидаю место службы без разрешения, а их поведу наружу. Он попросил сначала выбраться, потом записать по отдельности, кто что сделал. Лариса поднялась, придерживая обожжённую ногу. Георгий взял носитель, пока проверял поворот канала.

Вода шла к наружной решётке. Поток был слабым, завала дальше не оказалось. На одном участке пришлось ползти под трубой; я прижимал карабин к правому боку, стараясь не опираться большим запястьем. Позади Рашид подставлял Ларисе плечо. Георгий возвращался за ней после каждого поворота.

У выхода достал бумаги. Опись сохранилась, чернила Ольги не размыло. На обороте приказа было место. Нашёл карандаш в кармане рации и записал: Алексей Дорин. Добавил время первого взрыва, что он снял стяжки и удерживал дверь. Рашид прочитал запись, попросил отметить попытку вытащить охранника. Вписал её ниже.

Из рации пришло короткое служебное сообщение о потерянной колонне. Наши номера стояли в перечне пропавших при нападении. Рашид прочитал имя на своём браслете и продиктовал его мне для сравнения. Совпало. Я выключил звук, оставив приём, и спрятал распоряжение под куртку.

Наружная решётка открывалась к руслу. Георгий толкнул её, остановился: на камнях стояли ноги. Я поднял карабин, но голос сверху потребовал сначала назвать Ларису и Георгия. Их имена прозвучали в моём вызове Павлу.

Это была Лейла. Она присела у решётки, показала пустые ладони. Сказала, что слушала аварийную частоту после сигнала о взрывах. Люди, ожидавшие родственников у базы, видели, к каким воротам ушла перевозка. Она знала водяные выходы и пришла сюда, когда услышала слово о дренажном ходе.

Вылез первым, осмотрел край русла. Ниже стоял фургон с повреждённой белой дверью. Хана держала фонарь под курткой, Надим ждал у машины. Лейла помогла принять Ларису; Георгий и Рашид вышли следом.

Она спросила о носителе. Показал опломбированную крышку, сказал о времени правки и о Дорине. Лейла взглянула на запись на обороте приказа, затем вернула бумагу. Обещать, что её кто-нибудь примет, не стала. В машине было место для четверых, но до утра оставаться возле базы нельзя.

— Вера нашлась, — сказала Лейла. — Белая запись открывается только твоим биометрическим подтверждением.

Я спросил, видела ли она Веру. Лейла ответила, что получила короткое сообщение по условленному каналу. Место встречи передадут отдельно. Вера жива, рана требует помощи; ехать к ней прямо сейчас с людьми из горевшего транспорта Лейла не собиралась.

Лейла обернула регистратор тканью, вернула мне. Уложил его под куртку, проверил, что рядом осталась опись с номером Ольги. Потом помог Рашиду посадить Ларису в фургон и поднялся последним, удерживая карабин правой рукой. Лейла закрыла повреждённую дверь

изнутри; пока водитель разворачивал машину от базы, я положил распоряжение с именем Дорина на колени и придержал угол, чтобы Георгий смог прочитать запись.

Часть 2. Белая запись

Глава 8. Мост с одной полосой

Период: 2062 год. День 3, утро.

Место: Старый мост через Сарму.

Край платформы полз к нашему фургону, хотя на борту ещё горела зелёная надпись о безопасной остановке. Водитель включил заднюю передачу, но сзади стоял грузовик. Я открыл повреждённую дверь и выскочил на дорогу; под подошвой сдвинулась щебёнка, посыпалась сквозь щель в настиле. Под мостом шумела вода. До тяжёлого колеса оставалось три шага.

Рашид вылез следом. Вдвоём ударили по аварийной панели. Платформа остановилась, надпись сменилась требованием освободить маршрут. Из-под рамы шёл треск: соседняя машина продолжала тянуть её через сцепку. На пыльном борту были нарисованы ладони, поддерживающие каплю. Такие знаки ставили на перевозках воды и лекарств.

За ночь добрались до западного подъезда, дважды переждав поисковые аппараты под деревьями. У погрузочного двора нас дождался грузовик Лейлы. В кузове сидели Зоя с дочерью Тасей: после закрытия их дороги ехать оказалось некуда. С нами и двумя водителями набралось двенадцать человек. Лариса лежала в фургоне, вытянув обожжённую голень, Эсма дремала рядом с Ханой. Воду выдавали по глотку; осталось меньше половины фляги.

Рация Дорина принимала сообщения о перекрытии сектора и задержании вооружённых людей из района нападения. Наши фамилии называли среди пропавших, имени Алексея я не слышал. Берёг заряд. Под курткой лежали транспортный регистратор и бумаги, разрешённые при переводе; терминал и блокнот остались на базе.

У среднего пролёта отсутствовала часть полотна, проезд сужался до одной полосы. За восточным концом дорога уходила между тополями. Нижний брод затопило, следующий мост заняла проверочная группа.

Две водяные платформы стояли на сцепке перед повреждённым участком; третья, с ящиками, осталась в кармане у въезда. Передние машины свернули к одной опоре и прижались к ограждению. Между грузами и перилами ещё можно было протиснуться пешком.

Лейла заглянула под раму. Я предложил освободить сцепку и провести фургон: в нём были перевязки для Ларисы, на нём можно было добраться до Веры. Договорить она не дала.

— Сначала семьи. До Веры доберёмся те, кто останется жив.

Надим придерживал дверь для Ханы и Эсмы. Вере тоже нужна была помощь, но Лариса находилась перед нами, а о Вере мы знали лишь из сообщения. Снял карабин с плеча, сказал, что займусь платформами. Лейла велела глушить двигатели и выводить людей.

Георгий поднял Ларису. Девушка осторожно опиралась на носок обожжённой ноги. Хана хотела вести мать дальше, но Лейла остановила её: в щели можно двигаться только по одному. Упавший перекроет проход.

Лейла выбрала порядок по весу и способности помочь следующему. Тая и Надим перейдут с Зоей до целого пролёта, затем Хана поведёт Эсму. Лариса подождёт, пока проход расширится. Георгий и водитель снимали с грузовика сетку, державшую припасы.

Рашид проверил проход вдоль перил. Под дорогой он показал обслуживающую ферму у оборванной водяной трубы. Спуститься можно было возле опоры, но нижний настил сохранился местами. Эсма и Лариса там не пройдут.

Под мостом появились люди в шлемах, с оружием и громкоговорителем. Велели оставаться у машин и готовить документы. Рашид узнал порядок движения группы зачистки: передние проверяли укрытия, остальные поднимались к дороге.

Лейла попросила не отвечать: семьи отведут назад и начнут выяснять, почему они ехали со мной. Вспомнил журнал: в двадцать шестнадцать нас сделали погибшими, через час взорвался тоннель. Убрал рацию и полез к сцепке.

Тяга стояла под нагрузкой. Рашид принёс монтировку, но левая рука плохо сжималась, повязка мешала подлезть под кожу. Пришлось работать правой. Георгий держал край корпуса; Рашид предупреждал, когда колёса выбирали свободный ход.

Под рамой пахло тёплой резиной. Перед глазами на миг оказалось другое колесо, разорванное, с полосой ткани на ступице. Потянуло подняться и бежать к опоре, прижаться с внутренней стороны. Там будто оставили место для меня. Начал разворачиваться, и Рашид схватил за ворот. Возле головы сдвинулось колесо, смяло обломок ограждения.

Вернулся к кожуху, нащупал край настоящего металла. Внутри держался след чужого движения: влево, к опоре, ещё влево. Над водой прозвучало требование свести колонну на один пролёт; голос оборвался на слове о людях.

На опоре висела доска с фамилиями и изображением грузовика. Рашид сказал, что здесь сгорела эвакуационная колонна. Уходя с простреливаемой части, машины собрались у опоры и придавили пешех. После боя он разыскивал вещи на берегу.

Платформы делали то же самое. Передняя вывела колёса к краю, задняя потянула за сцепку. Указатель требовал отойти, но проход становился уже. Пепел возвращал последний манёвр, двигатели выполняли его с новым грузом. Отсюда нельзя было узнать, какой датчик принял повтор за маршрут.

Удерживать голос не стал. После Керда мне хватало адреса квартиры, дверь которой больше не мог вспомнить. Рашид считал движения колёс; его ответы возвращали расстояние между рамой и моей рукой.

Громкоговоритель приказал собраться у западного конца, плотной группой, без разделения семей. Хана шагнула назад: Эсма слышала знакомый порядок проверки и тянула её за рукав. Лейла повернула старую женщину лицом к восточному берегу.

— Здесь я решаю, как идут дети.

Она сказала это Хане и Зое, стоявшим рядом, затем показала Надиму, где дожидаться Таи. Зоя взяла дочь за руку, и они пошли вдоль перил. Мальчик двигался впереди, предупреждая о дырках в покрытии. Платформы не остановились ради них.

Мы освободили первую тягу. Её конец ударил по настилу, Георгий убрал ногу. Платформа подалась вперёд, выбрав свободный ход, пока Рашид не добрался до разъединителя. Осталось разомкнуть вторую тягу, иначе соседняя машина подтянет всё к опоре.

За решёткой соседней платформы стояла чёрная коробка. Её окна смотрели на людей и настил. Такие корпуса видел на поисковой технике. Кронштейн был новее рамы, краску на нём ещё не успело содрать.

Рашид отогнул решётку. На шильдике проступило «Контур-П», рядом висела пломба гуманитарного рейса. Доступ к Своду оставался закрыт, назначения прочитав я не мог. Но кабель коробки уходил к блоку управления движением.

Под записью о Дорине вписал номера платформы, рейса и сенсора. Рашид поправил цифру. Коробку держал внутренний крепёж; снял только сервисную бирку. Кто поставил прибор, предстояло узнать.

Надим махнул с восточного пролёта: Зоя с Таей дошли до устоя. Хана вывела Эсму в проход, Лейла освобождала им место. Тогда над опорой поднялись первые Ловцы.

Перехватчики с пустыми захватами спускались к людям. Один завис над перилами, повёл нижним устройством вдоль Ханиной спины. Над тополями собирался рой. Стрелять вдоль прохода было нельзя.

Георгий и водитель натянули сетку между платформой и обломком столба. Первый Ловец зацепился винтом за свободную петлю. Сетку дёрнуло, водитель выпустил край. Георгий удержал второй; аппарат скользнул к борту и застрял. Вращение рвало нити. Эсма присела, Хана закрыла ей голову ладонью.

Дождлся, пока второй перехватчик выйдет над рекой, и выстрелил. Приклад толкнул плечо. Аппарат ушёл вверх, затем вернулся со стороны третьей платформы. Хана с матерью не успели укрыться.

Лейла провела их под сеткой. Ловец ударил в край навеса, развернулся к передней машине. Под его корпусом вспыхнуло. На борту лопнуло окно управляющего блока, вспыхнула проводка, за ней обшивка. Указатель потух, но колёса вращались, натягивали соединение. Дым пошёл к восточному берегу.

Стрелял, когда аппарат выходил из дыма. Он качнулся и скрылся ниже настила. Затвор остановился: первый магазин опустел. Под платформой ударило по металлу, пришлось лечь рядом с Рашидом. Люди с западного берега добрались до подъезда. У фургона прозвучали выстрелы, на белой двери появились отверстия.

Поставил второй, последний магазин. Лейла показала, что Хана с Эсмой миновали опасный участок. Георгий вернулся к Ларисе. Водитель помог поднять её, но девушка отказалась висеть у них на плечах: трое не помещались в щели. Взялась за ремень Георгия и пошла сама, свободной рукой держась за раму.

Рашид выбил защёлку следующей тяги. Проход стал шире, однако освобождённая платформа покатила к реке: настил под наружными колёсами наклонился. Вода переместилась внутри баков. Ограждение оторвалось от крепления. Нижняя группа залегла у лестницы; громкоговоритель теперь требовал покинуть мост, но западный съезд был под огнём.

Рашид удерживал рукоять отключения, пока я убирал соединение из-под колеса. Машина с сенсором затихла. Горящая соседняя толкалась вперёд рывками.

Лариса остановилась у стыка пролётов. Поперёк разошедшегося покрытия лежала накладка, поднятая одним краем. Георгий переступил её и потянул девушку за руку. Она не смогла перенести вес на обожжённую ногу. Лейла вернулась, взяла Ларису под локти. Пока переносили её, третий Ловец вышел из-за опоры.

Выстрелил над рамой. Аппарат дёрнулся, вернулся ниже. Рашид поднял край сетки; Ловец прошёл сквозь дым и врезался в неё. Теперь Рашид держал полотно один. Нити начали расходиться. Прижал край ногей к сцепке и продолжил стрелять по второму аппарату, вернушемуся из-под моста. Два выстрела ушли в воду. После короткой очереди он ударился о балку и пропал за ней.

Водители вышли с сумкой и канистрой. Лейла велела оставить тяжёлое. Один потянулся за коробкой перевязок, но пролёт прогнулся, под ноги пришла волна. Горящая платформа ударила в фургон, тот подался назад к грузовику. Стекло осыпалось на капот.

Припасы оставались в кузове, вода в баке. Обе машины грузили повреждённый участок. Водители смотрели назад, Лариса с трудом ставила здоровую ногу на восточную сторону. Лейла кивнула им туда. Они оставили канистру, пошли помогать Георгию.

Рашид сорвал крепление сетки, вытряхнул остановившийся аппарат и потащил полотно к накладке. Я отступил от рамы, услышал ещё один перехватчик со стороны воды.

Потратил оставшиеся патроны, пока Лейла с Георгием поднимали Ларису на устойчивое покрытие. Пули выбивали куски из края настила. Ловец ушёл под мост. Последний выстрел прозвучал отдельно. После него нажимал на спуск впустую.

Опустил карабин на ремне. Рашид стоял у накладки, протягивал руку. Поднял ногу — горящая машина сдвинулась снова. Лопнуло крепление, накладка ушла вместе с краем настила, открыв между нами воду. Рашид отшатнулся на восточный пролёт, упал на колено. Моя сторона накрылась.

Георгий отвёл Ларису к опоре, Лейла обернулась ко мне. Вытащил регистратор, проверил, что ткань охватывает корпус. Вещь ещё можно было перебросить между целыми краями. Прыгнуть на дорогу уже нельзя: западный край продолжал опускаться.

— Лови журнал.

Лейла опустилась на колено. Бросил правой, снизу, чтобы носитель не ударил в балку. Она поймала свёрток у покрытия, прижала к себе и отступила. Бумаги с описью и биркой остались у меня под одеждой.

Справа от провала проходила боковая ферма моста. До её поперечины можно было достать прыжком. Рашид лёг на краю, показал, куда ставить ногу. За спиной рванулся фургон, переднее колесо проломило покрытие. Прыгнул вниз и в сторону, поймал балку ладонью, но карабин зацепился за обломок. Тело развернуло, левое плечо ударилось о стойку.

Рука перестала держать. Успел прижаться грудью к железу, завести правый локоть за поперечину. Боль прострелила плечо, зато перестал падать. Карабин повис между балками. Рашид звал сверху, ответил ему со второй попытки. Пальцы левой руки шевелились; поднять локоть не мог.

Между ногами шла Сарма с обрывками упаковки. Над головой наклонялся фургон. Подо мной сохранились две поперечины и решётка до восточной опоры. Проходил их боком, прижимаясь к стойкам. Каждая попытка потянуть карабин возвращала боль в плечо. Ослабил ремень правой рукой, освободил с выступа и оставил оружие вдоль спины.

Рашид с Георгием опустили сетку. Просунул правую руку в ячейку, упёрся ногой в решётку, поднимался, пока они выбирали полотно. Платформа сорвала ограждение; в воду ушёл бак.

Вытащили за ворот и пояс. Лёг щекой в пыль. Фургон провалился передней частью, грузовик застрял поперёк настила. Пламя добралось до его кузова. Проезда больше не существовало; пешком оставался путь по открытым балкам.

Лейла проверила пальцы, остановила попытку поднять руку, когда перехватило дыхание. Подвесили предплечье в ткани. Левая кисть не выдержала веса карабина. Рашид забрал его, пустые магазины остались у меня.

До тополей дошли вдоль парапета, пригнувшись. Георгий с водителями несли Ларису по очереди. Хана вела Эсму, Надим подставлял бабушке руку. Зоя держала Таю и сумку, вынесенную из грузовика. Над западным берегом вращались аппараты, к восточному съезду пока не летели.

У каменной стенки Лейла пересчитала нас, касаясь каждого за рукав. Двенадцать. Раскрыла ткань на регистраторе: пломба сохранилась, угол корпуса был поцарапан. Рассказал о сенсоре, отдал бумаги с биркой. Она сверила номера с Рашидом и вложила обратно. Носитель она оставила у себя: поднять его я теперь не мог.

Лейла попросила раньше говорить, если перестану держать оружие или груз. Ответил, что скажу. От запасов остались хлеб, несколько перевязок, неполная фляга. Оба водителя шли пешком с людьми, которых привезли.

Включённая у восточного берега рация завибрировала. На условленной частоте пришли три группы кода. Лейла записала их, сверила по своей карточке. Я ждал, придерживая руку.

Код означал: водомерная станция, полночь, без сети. Обращение совпало с оставленным Верой. Ответа не передавали; на рации мигал знак низкого заряда. До полуночи оставался день, но пройти его нужно было с Ларисой, Эсмой и моим плечом, без машины, с остатком воды.

Лейла убрала карточку рядом с журналом и показала тропу к заросшему каналу. Сначала нужно было найти укрытие для семей и воду, потом идти к станции. Принял у Зои лёгкий свёрток с хлебом, прижал правой рукой к животу и двинулся за Рашидом. На первом подъёме плечо отозвалось болью; пришлось дать пройти Хане с Эсмой и продолжить позади них.

Глава 9. Вера без допуска

Период: 2062 год. Ночь с 3-го на 4-й день.

Место: Водомерная станция в камышах.

Я придержал дверь ногой, чтобы она не ударила о стену, и услышал Верин голос возле стола. Он попросил подойти, помочь подняться. В темноте белел рукав, знакомо повернутая кисть лежала на краю столешницы. Подался туда, успел перенести вес на переднюю ногу. Лейла дёрнула меня за пояс: между порогом и столом не было пола.

Остановился, упираясь здоровым коленом в косяк. Левое плечо отозвалось болью, подвешенная рука прижалась к груди. Внизу шла вода; на её поверхности отражалась полоска неба из пролома в крыше. Свет фонаря под Лейлиной ладонью выхватил край доски. Белое пятно оказалось тряпкой на гвозде. Кисти на столе больше не было.

Из-за перегородки послышалось движение. Второй голос велел оставаться у двери и спросил, сколько нас пришло. Тоже Верин. Назвал себя и Лейлу, но дальше не пошёл. После тоннеля голос Павла больше не мог разрешить мне открыть или закрыть дверь. Голос Веры не должен был распоряжаться моими ногами.

Пришли перед полуночью. День ушёл на дорогу, поиски воды и укрытия для семей. Их принял совет убежища в старой школе, где Лейла знала двух женщин. Хана выбрала остаться там с Эсмой и Надимом, Зоя с Таей разместились рядом. Водители помогали с утренней выдачей продуктов.

Фельдшер направил Ларису в полевой госпиталь у Восточного. Рашид пошёл переводить, Георгий с ними. Все трое дополнили запись о Дорине: Лариса указала, с какого сиденья он помог ей встать. Возвращённый Рашидом карабин с пустыми магазинами оставил водителю грузовика на хранение. Нести его больше не мог.

Лейла получила две фляги воды и чистую ткань, помогла перенести мешки в подвал. Я сидел у стены с рукой на перевязи. Дальше шли с остановками, рацию выключили у канала. Журнал, опись и бирку с платформы несла Лейла.

За перегородкой шуршала ткань. Я попросил Веру показать руки. В слабый свет вышла ладонь, затем появился край лица. Она сидела на низкой скамье, опираясь спиной на кирпичную стену. Правая нога была вытянута, левая упиралась в пол. На бедре темнело большое пятно.

Захотелось переступить провал, опуститься рядом, убрать с её лба волосы. Вера заметила движение, показала доски вдоль стены. Они лежали на целых балках и вели в приборную комнату.

Спросил, что случилось с часами на двух пультах перед Кадирским ударом. Этого не было в итоговом отчёте. Мы сверяли их после смены; я тогда настаивал, что подтверждение ушло позднее. Хотел услышать о поправке. Об этом спрашивать было легче, чем о самом подтверждении.

— Полевые часы спешили на четыре секунды. Ты подтвердил в девятнадцать четырнадцать тридцать две. По времени узла. Я потом показала тебе обе записи.

На столе лежал прибор с отколотым углом. Хотелось посмотреть на часы, хотя часов у меня не осталось. Помнил палец над подтверждением и ожидание, что ответственность уйдёт вместе с командой.

Четыре секунды ничего не меняли. Предупреждение о людях на настиле я прочитал до нажатия. Потом принял отчёт, в котором их не оказалось. Вопрос выбрал о технической ошибке, ответ получил о собственном действии.

Лейла прошла по доскам первой. Вера попросила поставить фонарь на пол и повернуть к стене. При отражённом свете стали видны разбитая губа, грязный ворот и застёжка на маленькой сумке под поясницей. Под курткой лежал разогретый медицинский пакет. Она использовала его, когда начинало трясти от холода.

Вера взяла кружку обеими руками, отпила. Эти движения помогли больше голоса: она берегла силы, следила за светом. Одной верной фразы всё равно было мало. Её рассказ предстояло проверить по вещам и записям.

Присел у скамьи, проверив по Вериной просьбе дверь: отсюда был виден вход. Лейла спросила о ране. Я слушал, устраиваясь так, чтобы плечо не касалось кирпича.

Её ранили возле машины. Через ремонтные площадки вышла к воде, на станцию пришла днём. Белую запись и служебный прибор хранила отдельно. Дренаж поставила сама, из полевого комплекта: прошла обучение, однако теперь просила найти врача.

Лейла сняла край повязки. Из-под неё выходила короткая трубка, закреплённая тканью. Кожа вокруг покраснела, нога распухла. Вера дышала через рот и следила за Лейлиными пальцами. Я потянулся придержать повязку.

— Меня не трогай.

Убрал руку. Лейла попросила смочить ткань. Крышка фляги поддалась не сразу: удерживать её больной рукой было трудно.

Вера спросила о перевязи, выслушала рассказ о мосте. Потребовала номер сенсора. Лейла достала запись; Вера прочла и попросила продолжить перевязку. Боль заставляла её замолкать посреди фразы.

Чистой ткани хватало на одну смену. Лейла сказала, что край старой повязки придётся отвести, пока она закрепит новую; одной рукой у неё не получалось. Вера посмотрела на меня, затем на раскрытый пакет. Только после Лейлиного объяснения разрешила придержать ткань, указав место далеко от раны. Выполнил и отпустил, когда попросили.

Антибиотика в сумке не было. Препарат закончился накануне, дозы и время остались записаны на клапане сумки. Лейла сохранила эту запись для врача. Без медицинской помощи Вера далеко не дойдёт. Она согласилась идти в госпиталь. Сейчас требовалось открыть носитель и уйти.

Вера вынула из сумки плоский футляр. Внутри была белая кассета, похожая на пустую оболочку, которую я нашёл в оставленной машине. Здесь защищённую полосу пересекали две метки. Лейла развернула опись с номером, оставленным Ольгой. Вера сверила контрольную сумму и сказала, что комиссия получила фрагмент из того же набора.

Из машины она вынесла исходный кусок и ключ проверки. Другую часть спрятала отдельно; место пока назвать отказалась. Полного архива у неё не было.

Вера поставила прибор на ящик, показала отключённый модуль связи. Заряда хватит на короткий местный просмотр. Вставила служебную карточку; появилась её фамилия и предупреждение об аварийном выводе данных.

Для обычного просмотра нужен был служебный узел, а для вывода за пределы хранилища — подтверждение человека, чей профиль защищал фрагмент. Поэтому понадобился я. Это не давало мне доступа к чужим разделам и не возвращало Свода: прибор мог открыть только запись, связанную с моим прежним подтверждением и калибровкой.

Прибор принял левую ладонь со второй попытки, когда Лейла отёрла грязь и отодвинула повязку. Появилась моя фамилия, запрос на открытие. По Вериной просьбе прочитал целиком и подтвердил просмотр.

Следующее действие требовалось от неё. Прибор предупреждал: после вывода служебный ключ будет погашен. С этой карточкой к работе не вернуться, запасной у Веры не было. Вера держала палец над краем экрана; я узнал паузу перед подтверждением и отвернулся к двери. Она попросила смотреть сюда. Ей был нужен свидетель.

Лейла произнесла её имя и спросила, понимает ли она условие. Вера ответила, что понимает. Подтвердила вывод. Экран сменился, индикатор возле гнезда карточки погас. Вера вытащила её, попробовала открыть служебное меню. Прибор отказал: действующего ключа не было. Она положила карточку рядом с кассетой и открыла сохранённый фрагмент.

На экране появилась таблица. Фамилии сначала были заменены номерами, затем Вера выбрала разрешённые поля. В одной строке увидел Рашида Тема. В соседних стояли два обозначения: переходный посредник и контактный узел. Те же слова я слышал у пропускного пункта, когда переводчик пытался объяснить, почему пошёл другой дорогой.

Дальше находилась дата подготовки маски. Она предшествовала нашему выезду. В основании задержания уже значился эпизод у водяного маршрута, случившийся после этого выезда. По требованию Веры сравнил время внутри сохранённых записей вместо показаний часов прибора. Поля стояли рядом, менять их по отдельности она не могла.

Составить прогноз заранее разрешалось. Здесь будущий эпизод был внесён в основание как подтверждённый. Я показал пальцем на отметку, спросил, мог ли сотрудник добавить её позднее. Вера ответила, что для этого нужен другой исходный пакет, и мы обязаны его найти. По одному фрагменту нельзя доказать, кто и когда закрепил всю цепочку. Даты давали противоречие, которое следовало проверить.

Ссылка под Рашидовым номером вела к профилю Якоря. Вера открыла её. Появилась моя фамилия, показатели перед Кадирским ударом, пометки о реакциях на угрозу людям и приказ оставить раненых. Часть строк оставалась закрытой.

Профиль присоединяли к маске человека, которого я ещё не встретил. Рашид меня не знал; моя реакция на его задержание уже учитывалась в расчёте. Спросил, были ли туда записаны мои мысли. Вера покачала головой. Им хватало наблюдаемых действий и показателей, по которым выбирали условия следующей проверки.

Она перелистнула страницу, открыла номер фильтра. Такой способ связывать реакцию Якоря с признаками цели прошёл через её валидацию. Тогда ей показывали обезличенные записи и задачу уменьшить ложные совпадения. Вера отделила то, что проверяла сама, от того, чего тогда не видела. Потом показала строку со своей подписью.

Я спросил, когда она поняла, для чего применяют фильтр. Ответила, что не в один день. Сначала объясняла несовпадения ошибками исходных данных, затем увидела повторяющиеся основания задержаний. Вынесла запись, когда обнаружила, что эти основания появляются до событий. Хотела доказать подмену параметров и собственное участие в инструменте, которым её произвели.

Она прижала дрожащее запястье к ящику: мой профиль нашла, но ушла с данными не ради меня. По Лейлиной просьбе сохранила страницу с подписью и датами, передала копию на маленьком носителе. Основная кассета осталась у Веры.

Над потолком прошёл гул, вернулся ниже. Вера выключила подсветку, Лейла фонарь. Точку питания на приборе закрыли ладонью.

Поисковая Сорока шла вдоль камыша. Через щель в перегородке увидел её под крышей, потом за наружным окном. Аппарат остановился напротив комнаты. Сквозь щели можно было заметить нас и нагретые вещи. Сорока медленно обходила стену.

Вера указала на люк за скамьей. Под ним проходил канал, где станция измеряла расход. Днём она проверила выход с другой стороны здания. Вода доставала до пояса, дальше мелело. Течение было слабым, однако у стены стояли остатки решётки. Лейле предстояло первой найти проход, затем вывести Веру. Я мог идти следом, помочь ей удержаться, но не нести на руках.

Перед тем как подняться, Вера забрала кассету и прибор. Служебную карточку тоже положила в сумку: погашенный ключ оставался частью записи о выводе. Лейла упаковала регистратор и копию фрагмента во внутренний мешок. На скамье оставили медицинский обогре-

ватель, накрыли снятой курткой. Тепла в нём было ещё достаточно, чтобы место недавнего отдыха оставалось заметным.

Вера встала с Лейлиной помощью. За столом её голос попросил меня задержаться. Настоящая Вера стояла рядом, губы не двигались: она выбирала ступень. Пепел подставлял знакомые слова в место, куда хотелось вернуться.

Лейла закрыла повязку оболочкой от перевязочного пакета, спустилась в канал и придержала Веру за пояс. Я отступил от стола. Вера поставила здоровую ногу на скобу, больную опустила с помощью рук. Вода ударила в стену от её движения. Сорока сместилась к крыше, гул стал громче.

Снял перевязь с левого предплечья, чтобы она не цеплялась, но руку прижал к груди. Правой обхватил скобу, спустился, едва не ударившись плечом о край люка. Холодная вода дошла до живота. Вера стояла рядом, вся тяжесть приходилась на одну ногу; Лейла нащупывала проход сквозь решётку.

Обогреватель оставался под курткой на скамье. Сорока пошла вокруг верхнего окна. Пока проверяла тепло в комнате, успели спуститься под перекрытие. Мы двигались вдоль стены. Я придерживал Веру за край пояса правой рукой, каждый раз отпускал, когда она находила опору. Под левой лопаткой боль нарастала.

У решётки пришлось повернуться боком. Вера задела трубкой ткань на бедре, остановилась. Лейла освободила её, проверила крепление пальцами. Под защиту повязки просочилась вода. Я упёрся спиной в стену, чтобы не сдвинуть их течением. Над водой опять прошёл знакомый зов. Не ответил, смотрел на край сумки, которую Вера прижимала к груди.

Вышли между бетонными плитами. Лейла провела нас вдоль стены и свернула в камыши. Сорока вернулась к окну; её огни было видно сквозь стебли. Приходилось ждать прохода и двигаться, когда стена закрывала обзор.

На другом краю нашли полосу земли под ивами. Вера села, положила сумку на колени. Лейла проверила упаковку журнала. Внутренний мешок остался цел, бумаги были влажными по краям, но номера читались. Мне снова подвесили руку. Прибор Веры сохранил заряд на короткий просмотр: она открыла последний доступный указатель.

Корневой журнал лежал в полевом архиве на зерновом терминале. Там должны были сохраниться операции приёма исходных пакетов, по которым можно проверить даты и авторов. Вера показала распоряжение об эвакуации архива. Его получила до ухода, вместе с последним служебным обновлением. Утром носители увезут на базу Кастина. Доступный ей путь закроется.

Без открытого фрагмента мы не знали, какой журнал искать. Теперь Вера дала номер хранилища и срок вывоза. Лейла записала рядом с номером Ольги. Теперь требовалось добраться до архива.

— Я буду свидетельствовать, — сказала Вера. — Прощения не обещаю.

Ответил, что услышал. Вспомнил лица тех, кого перевёл через мост, но говорить о них сейчас не стал. Лейла затянула мешок с журналом, проверила выход из зарослей. Вера попыталась встать, опёрлась на ствол и переждала боль.

Я поставил её сумку ближе к здоровой ноге, чтобы можно было поднять без поворота. Сам подтянул перевязь зубами и правой рукой. До рассвета оставалось несколько часов. Когда Лейла вернулась, Вера взяла у неё палку и поднялась; мы пошли вдоль протоки к зерновому терминалу, останавливаясь каждый раз, когда она не могла перенести вес на раненую ногу.

Глава 10. Корневой журнал

Период: 2062 год. День 4, рассвет.

Место: Полевой архив на территории зернового терминала.

Дверца шкафа ударила меня по перевязи, когда архивист потянул её на себя. Пришлось упереться коленом в нижний край, чтобы не зажало пальцы. За решёткой мигал красный индикатор; вентилятор пытался разогнаться и останавливался. На стойке гасли экраны, а из прохода требовали быстрее закончить подготовку к вывозу.

Архивист Аркадий Ланин спросил, смогу ли заменить блок одной рукой. Ответил, что смогу, если он подаст новый и придержит направляющую. Повязку с левого запястья отодвинул от пальцев. Левая рука осталась у груди. Во время перехода от водомерной станции плечо распухло, ткань перевязи стала тесной.

Вера довела нас до ремонтного въезда, опираясь на Лейлу, и села за весовой. Занимаясь приёмкой оборудования, Вера узнала путь вдоль канавы, через мастерскую под крытый переход. Сама пройти не могла: над канавой лежала балка, дальше начиналась лестница. Попыталась поднять ногу и попросила оставить её здесь.

У весовой работал пункт комиссии. Курьер Нина Сомова сверила номер на описи и отнесла наше заявление Ольге в соседний корпус. Мы сообщили о будущих основаниях задержаний и адресе журнала. Семейные списки и место убежища оставались у Лейлы.

Нина принесла приёмник, камеру и пакет для носителя. В пакет вложили состав для контрольной метки. Номер камеры вписала в выдачу. По одностороннему каналу Ольга объяснила порядок записи. Сначала снять часы весовой, затем кассету и её подключение. Контрольные суммы нужны были до копирования и после него. Требовались два свидетеля, способные назвать увиденное своими словами.

Вера объяснила, как найти кассету, дала носитель с ночной копией; место для журнала оставалось. Второй выдала Нина. Транспортный регистратор и бумаги остались у Лейлы, Белая запись у Веры. Приёмник закрепил под воротом, камеру на груди. Вера напомнила снять номер шкафа.

Ланин готовил стойку к перевозке, но без проверки её не принимали. В мастерской нашёлся запасной блок. Сказал, что работал с такими креплениями до службы. Архивист вписал Круглова в лист ремонта, выдал временный пропуск. На проходной проверили заявку. Камера распознавания не работала вместе с частью оборудования.

Повреждённый блок оказался горячим. Подложил под него свёрнутую ветошь, попросил Ланина обесточить шкаф. Он показал местный переключатель; сеть держалась на резерве, которого могло не хватить до конца погрузки. Достал блок, поставил на пол. Новый вошёл в направляющую только с третьей попытки: рука дрожала, корпус цеплял край. Ланин поджал его снизу. Когда питание вернулось, вентилятор разогнался без остановки.

На экране появился запрос на проверку после ремонта. Архивист открыл его своим местным допуском и объяснил, что следует проверить: накопители должны читаться, число ошибок не должно расти. Отчёт потом вложат в акт перевозки. Диагностика давала доступ к чтению и выгрузке журналов, запись в архивные файлы была закрыта.

Снял часы и номер шкафа. Ланин спросил, кому уйдёт запись. Назвал комиссию, номер дела. Он попросил указать причину вскрытия. Произнёс в камеру, что меняли питание, показал блок. Архивист проверил лист выдачи камеры и разрешил продолжать.

Снаружи загудел двигатель. В помещение вошёл старший погрузки и велел готовить кассеты немедленно. По плану машины должны были подать позже. Теперь архив уходил до начала

обычной смены, вместе с охраной и последней группой снабжения. Ланин показал незавершённую проверку. Ему дали несколько минут.

Приёмник под воротом передал указание Ольги не снимать исходную пломбу ради удобства. На нужной кассете пломба соединяла крышку и корпус; из шкафа она выходила целиком, в опечатанной оболочке. Вера заранее назвала соседний разъём проверки. Подключение через него не требовало вскрытия. Я повернул камеру к пломбе и медленно провёл вдоль края.

Номер совпал с записанным ночью. Ланин прочитал его вслух, потом сверил с журналом мест. Я назвал свой номер ремонта и начал чтение. Так у записи появились два свидетеля: человек, который подключал носитель, и человек, отвечавший за его хранение. Ланин не знал, что мы найдём, но видел кассету, кабель и экран.

В коридоре хлопнула дверь. Погрузчик вкатил пустую раму, перегородил выход из приборного помещения. За ним охранник проверял соседние комнаты. На груди у него висел короткий автомат. До меня очередь пока не дошла.

Открыл журнал по номеру из фрагмента. Даты шли от Кадира к Сармской долине. Здесь фиксировали поступление пакетов и операции над ними. Часть приложений не открывалась, сам журнал читался. Ланин проверил счётчик ошибок: блок работал.

В списке приложений стояли две Кадирские маски. Первая содержала предупреждение о людях на западном настиле. Вторая была связана с итоговым пакетом; поле гражданского риска в ней оказалось пустым. Я узнал обозначение сектора. На мгновение перестал следить за дверью.

Открыл первую. Возле предупреждения стояло моё подтверждение: девятнадцать четырнадцать тридцать две. Вера назвала это время ночью. Дата, мой служебный номер и номер пакета совпали. Запись не оставляла возможности сказать, что нажатие случилось до предупреждения.

Во второй маске находилась ссылка на то же подтверждение, но исходный пакет у ссылки был другой. Вернулся в корневой журнал. Между двумя строками стояла операция переноса. Сохраняли запись моего согласия, присоединяли её к изменённому набору условий. Кто разрешил такую операцию, из этого окна было не видно: подпись узла находилась в закрытом приложении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.